БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

ШКОЛА ДОБРА И ЗЛА

МИР БЕЗ ПРИНЦЕВ

Соман Чайнани

Соман Чайнани

Школа Добра и Зла. Мир без принцев

Серия «Школа Добра и Зла», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51128972
Школа Добра и Зла. Мир без принцев:
ISBN 978-5-699-89427-7

Аннотация

Агата и Софи совершили то, что до них ещё никому не удавалось – вернулись из сказочной школы Добра и Зла обратно в тихий городок Гавальдон. Подруги победили злого Директора школы, несколько столетий похищавшего детей, и стали героинями. Их скульптуры украшают центральную площадь. В их честь готовится грандиозное шоу… Но почему-то Агата чувствует себя несчастной. Родной дом, стоящий посреди кладбища, лысый кот, привычные чёрные платья и взбалмошная лучшая подруга – разве это не то, о чём она мечтала в волшебной школе? Не её честно завоёванное «долго и счастливо»?! Всё так, но вот беда: Агата не может забыть одного прекрасного принца. И однажды девочка загадывает желание, которое вновь открывает путь из Гавальдона в мир сказок…

Единственный способ выбраться из сказки – это прожить её до конца.

Содержание

Часть первая 5
1 6
2 30
3 48
4 68
5 96
6 122
7 143
Конец ознакомительного фрагмента. 147

Соман Чайнани
Школа Добра и Зла. Мир без принцев

Посвящается Марии Гонзалес

Две башни высоко уходят в небеса.
Вокруг – непроходимые леса,
Их покрывает платьем подвенечным
Тумана колдовского пелена.
Две башни, две сестры, что связаны навечно
Как день и ночь, как осень и весна.
Одна приют для тех, кто чист душой,
Для черных сердцем – место во второй.
Бессмысленно задумывать побег,
Из этой школы не уйти вовек,
Тропа отсюда есть всего одна —
Тебя сквозь сказку поведет она[1].

© Бескова А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

1
Софи загадывает желание

Все-таки остается некоторая неловкость после того, как твоя лучшая подруга пытается тебя убить.

Впрочем, Агата легко преодолела это чувство, пока любовалась их с Софи золотыми статуями, которые возвышались над пестрой от солнечных лучей площадью.

– Я не понимаю, почему это обязательно должен быть мюзикл, – сказала она, чихая от запаха гвоздик, пришпиленных к ее розовому платью.

– В костюмах не потеть! – рявкнула Софи на мальчика, отчаянно трепыхавшегося в зловещей гипсовой голове пса, пока привязанная к этому бедолаге девочка (тоже в гипсовой голове, но довольно миловидной собаки) неуверенно шаталась, не видя ничего вокруг. Затем Софи поймала двух помеченных бирками «Чеддик» и «Раван» юношей, которые пытались поменяться одеждой:

– Меняться школами тоже запрещается!

– Но я хочу быть всегдашником! – проворчал «Раван» и оттянул свою унылую черную тунику.

– Мой парик чешется, – хныкнула «Беатрис», зарываясь пальцами в свой белый шиньон.

– Мамочка меня не узнает, – жаловался мальчик в серебряной маске Директора школы.

– И НИКАКОГО НЫТЬЯ ИЗ-ЗА РОЛЕЙ! – прикрикнула Софи, повесив на дочь кузнеца бирку «Дот» и сунув ей по шоколадному мороженому в обе руки. – Тебе нужно набрать десять килограммов к следующей неделе!

– Ты говорила, это будет скромное мероприятие, – вздохнула Агата, наблюдая за пареньком, который балансировал на шатающейся лестнице, пытаясь нарисовать на огромном навесе над входом в театр два очень знакомых зеленых глаза. – Кое-что изящное к годовщине…

– Неужели у всех мальчиков в этом городе фальцет?! – вопила Софи, инспектируя юношей и сверкая зелеными, точно такими же, как на рисунке, глазами. – Наверняка хоть у кого-то голос уже сломался. Наверняка кто-то может играть Тедроса, самого красивого и прекрасного принца в…

Она обернулась в поисках рыжего Рэдли, обладателя торчащих, как у кролика, зубов, который стоял, затянутый в узкие бриджи и выпятив грудь колесом. Софи поперхнулась, подавляя смех, и заклеймила его табличкой «Хорт».

– Это все не так уж скромно, – уже громче заметила Агата, разглядывая двух девочек, которые натягивали на билетный киоск полотно с двадцатью неоновыми лицами Софи. – И совсем не изящно…

– Свет! – гаркнула Софи двум мальчикам, висящим на канатах.

Агата закрылась руками от ослепляющей вспышки света. Подглядывая сквозь пальцы, она увидела бархатный занавес, на котором горела надпись, выложенная яркими круглыми лампочками

Мюзикл «Проклятия»!

Сценарист, режиссер, продюсер и исполнитель главной роли – Софи

– Это не слишком простенько для финала? – Софи резко повернулась к Агате, взметнув подол иссиня-черного бального платья. Ее наряд был украшен нежными золотыми листьями, дополнен рубиновым кулоном на ее шее, а тиара из синих орхидей венчала все это великолепие.

– Кстати, это мне кое-что напомнило. Ты сможешь спеть в хоре?

– С ума сошла?! – надулась Агата. – Ты сказала, что это будет небольшое представление в память о похищенных детях, а не какой-то балаган! Я не могу играть кого-то, не могу петь, но тем не менее у нас тут костюмированная репетиция напыщенного шоу, у которого даже сценария нет. А это что? – Она указала на ленту, украшающую платье Софи, на которой красными хрусталиками было выложено:

Королева бала

Софи уставилась на подругу:

– Ты правда думала, что я расскажу нашу настоящую историю?

Агата ответила ей хмурым взглядом.

– Ох, Агата, если мы сами не прославим себя, то кто это сделает? – вздохнула Софи, оглядывая просторный амфитеатр. – Мы же Разрушители Проклятия из Гавальдона! Победители Директора школы! Выше нас только звезды! Мы живые легенды! Так, но где же наш дворец? Где наши слуги? На годовщину нашего похищения из этого гнусного городишки они должны воздать нам почести! Им полагается боготворить нас! Они обязаны преклонить перед нами колени вместо того, чтобы слоняться по округе с толстыми, безвкусно одетыми вдовами!

Ее голос гремел среди пустых рядов деревянных стульев. Софи повернулась к подруге и увидела, что Агата смотрит на нее с сочувствием.

– А разве старейшины не дали ему разрешения? – спросила Агата.

Лицо Софи потемнело. Она отвернулась и начала раздавать актерам листки со словами песен.

– Когда это произойдет? – не унималась Агата.

Софи молчала.

– Когда, Софи?

– На следующий день после шоу, – ответила Софи, поправляя гирлянду на огромном алтаре. – Но все может измениться в мгновение ока, когда они увидят наш выход на бис.

– Почему? Что там, с этим выходом?

– Я думаю, с ним все в порядке. Я в нем совершенно уверена.

– Софи. Что будет в выходе на бис?

– Он взрослый человек. Он волен сам принимать решения.

– И это шоу не имеет ничего общего с попытками помешать свадьбе твоего отца?

Софи стремительно повернулась к Агате:

– Почему тебе вообще пришло это в голову?!

Агата взглянула на толстую бездомную старуху в фате, скрючившуюся под алтарем, над которой красовалась табличка «Онора».

Софи сунула Агате листок:

– На твоем месте я бы училась петь.

Девять месяцев назад, когда девочки вернулись из леса, шум поднялся неслыханный. Добрых две сотни лет Директор похищал из Гавальдона подростков для своей школы Добра и Зла. Однако после того как множество детей исчезли

навсегда, а сотни семей распались, две подруги смогли-таки найти путь домой. Людям хотелось целовать их, дотрагиваться до них, они даже соорудили их статуи, словно Софи и Агата были богами, сошедшими с небес. По требованию жителей, Совет Старейшин предложил организовать раздачу автографов в церкви, после воскресных служб. Вопросы были всегда одни и те же:

– Они вас мучили?

– Вы уверены, что проклятие снято?

– Вы видели моего сына?

Софи героически предложила нести бремя славы в одиночку, но, к ее удивлению, Агата всегда появлялась на воскресных мероприятиях. В первые месяцы Агата давала ежедневные интервью городскому вестнику, позволяя Софи ее одевать и припудривать. Более того, Агата вежливо терпела общение с маленькими детьми, которых сама Софи на дух не переносила.

– Рассадники бактерий! – брюзжала Софи и, перед тем как подписать очередную книгу сказок, обильно смазывала ноздри маслом эвкалипта. Она заметила, как Агата улыбнулась мальчику, поставив автограф на его книге о короле Артуре.

– С каких это пор тебе нравятся дети? – проворчала Софи.

– С тех самых, как они начали умолять о встрече с моей матерью всякий раз, когда простудятся, – ответила Агата, улыбнувшись так широко, что стали заметны следы губной

помады на зубах. – У нее за всю жизнь не было столько пациентов.

К лету поток людей начал иссякать. Тогда Софи пришла в голову идея выпустить плакаты:

Агата ошарашенно уставилась на плакат, висевший на двери церкви:

– Бесплатный поцелуй?!

– На их книги сказок, – обронила Софи, вытягивая ярко-красные губки и любуясь своим отражением в карманном зеркальце.

– Вообще-то, звучит не совсем так, – заметила Агата, поправляя обтягивающее зеленое платье, которое она одолжи-

ла у Софи. Розовый цвет исчез из гардероба подруги после их возвращения. Скорее всего потому, что он напоминал Софи те времена, когда она была лысой беззубой ведьмой.

– Послушай, мы уже вчерашние новости, – сказала Агата, подтягивая лямки платья. – Пора возвращаться к обычной жизни.

– Пожалуй, на этой неделе на встречи с фанатами буду приходить только я, – Софи стрельнула глазами поверх зеркала. – Возможно, люди не чувствуют в тебе энтузиазма.

Однако никто, кроме Рэдли, ни в то воскресенье, ни в следующее так и не появился. Ни «любовный подарок», который Софи предлагала на одной неделе, ни «ужин на двоих», обещанный на другой, погоды не сделали. К осени плакаты о пропавших без вести исчезли с площади, а дети попрятали свои книжки в шкафы. Мистер Довиль повесил объявление «Последние дни распродажи» на витрину магазина, хотя никакой новой партии сказок в этом году так и не появилось. Теперь девочки превратились в такую же древность, как и само Проклятие. Даже отец Софи перестал ходить вокруг нее на цыпочках. На Хеллоуин он сказал дочери, что Старейшины одобрили его будущий брак с Онорой. Однако благословения у Софи так и не попросил.

Хоть Софи и спешила с репетиции сквозь жуткий проливной дождь, она все равно нашла минутку возмущенно взглянуть на свою когда-то блестящую статую, которая теперь была заляпана птичьим пометом. А ведь она здорово потруди-

лась для этого изваяния. Сами подумайте: неделя масок из улиточных яиц и диета из огуречного сока – все ради того, чтобы скульптор смог запечатлеть ее во всей красе. И вот результат – изысканный туалет для голубей.

Она обернулась на свое нарисованное лицо, мягко подсвеченное бликами огней театрального шатра, и скрипнула зубами. Шоу напомнит ее отцу, кто должен быть на первом месте. Шоу всем им напомнит.

Она прошлепала по площади в сторону улицы с жилыми домами, из труб которых струился ароматный дымок. Софи могла легко определить, чем каждая семья ужинает: свинина в сухарях с грибной подливкой у Вильгельма, говядина с картофельным крем-супом у Белль, чечевица с беконом и фаршированный батат на столе у Сабрины… Еда, которую любил, но никогда не получал ее отец.

Отлично! Вот и пусть голодает, ей-то что. Подходя к своему дому, Софи втянула ноздрями воздух, надеясь почувствовать запах пустой затхлой кухни – запах, который напоминает ее отцу, что он потерял.

Вот только кухня вовсе не пахла пустотой. Софи вдохнула снова, и манящий запах мяса и молока заставил ее ускорить шаг. Она подбежала к дому, рванула дверь на себя…

Онора как раз рубила свежие свиные ребрышки.

– Софи, – тяжело бросила она, вытирая пухлые руки, – я совсем закрутилась у Бартлеби, мне бы не помешала помощь.

Софи взглянула сквозь нее:

– Где мой отец?

Онора попыталась откинуть плечом свои густые, испачканные мукой волосы:

– М-м-м, они с ребятами устанавливают шатер. Стефан подумал, что будет здорово, если сегодня мы все поужинаем вмес…

– Шатер? – Софи уставилась на заднюю дверь. – Сейчас?

Она распахнула дверь и выбежала в сад. Под проливным дождем, обдуваемые шквальным ветром, оба сына вдовы держали жерди, к которым были привязаны два конца шатра, а Стефан пытался привязать вздымающийся белый шатер к третьей жерди. Как только ему это удалось, ветер лихо сорвал ткань и накрыл ею отца вместе с мальчиками. Софи услышала из-под полотна их веселое хихиканье, а затем наружу высунулась голова отца:

– Вот что нам было нужно! Четвертый!

– Зачем вы устанавливаете шатер? – ледяным тоном спросила Софи. – Свадьба только на следующей неделе.

Стефан выбрался из-под шатра, выпрямил спину и прочистил горло:

– Она завтра.

– Завтра?! – Софи побледнела. – Это то самое завтра, которое сразу после сегодня?

– Онора предложила сыграть свадьбу до твоего шоу, – объяснил Стефан, поглаживая недавно отросшую бороду. –

Мы не хотим отвлекать от него внимание.

Софи начало мутить:

– Но… Как это…

– Не беспокойся. Мы заранее объявили в церкви об изменении даты. А Джейкоб и Адам помогут установить шатер вовремя. Как прошла репетиция?

Он обнял шестилетнего мальчика и прижал его к себе.

– Джейкоб сказал, что сумел разглядеть огни даже с нашего крыльца.

– Я тоже их видел! – крикнул восьмилетний Адам, обнимая Стефана с другой стороны.

Стефан поцеловал их в макушки.

– Кто бы мог подумать, что у меня появятся два маленьких принца! – прошептал он.

Софи смотрела на отца, еле сдерживая слезы.

– Ну, расскажи нам, что будет в твоем шоу? – спросил Стефан, улыбаясь ей.

Но внезапно Софи стало совершенно плевать на свое шоу.

На ужин было аппетитное жаркое с идеально приготовленной брокколи и салатом из огурцов. На сладкое – черничный тарт, выпеченный без муки. Однако Софи ни к чему не прикоснулась. Под звяканье вилок она сидела за тесным столом и свирепо сверлила Онору взглядом.

– Ешь, – настаивал отец.

Онора, сидящая рядом с ним, нервно потерла двойной подбородок, избегая взгляда девочки:

– Если Софи не нравится ужин…

– Ты приготовила именно то, что она любит, – отрезал Стефан, не сводя глаз с дочери. – Ешь.

Софи и не думала выполнять приказ. Звяканье вилок стихло.

– Можно мне свинину? – спросил Адам.

– Вы ведь были подругами с моей матерью, верно? – обратилась Софи к Оноре.

Вдова подавилась куском мяса собственного приготовления. Стефан сердито посмотрел на Софи и только открыл рот, чтобы отчитать ее, как Онора схватила его за запястье. Она рассеянно промокнула сухие губы грязной салфеткой.

– Лучшими подругами, да, – сипло подтвердила Онора и сглотнула. – Довольно продолжительное время.

Софи замерла.

– Интересно, что же встало между вами?

Улыбка Оноры исчезла без следа, и вдова уткнулась в свою тарелку. Софи продолжала буравить ее взглядом.

Вилка Стефана звякнула об стол.

– Почему бы тебе не помочь Оноре в лавке после школьных занятий?

Софи была уверена, что ему ответит Адам, но вдруг почувствовала, что взгляд отца обращен к ней.

– Я? – Софи побледнела. – Помочь… ей?

– Бартлеби намекнул, что моей жене пригодилась бы лишняя пара рук, – настаивал Стефан.

Жене. Единственное слово, которое услышала Софи. Не воровка. Не попрошайка. Жена.

– После того как мы сыграем свадьбу, а потом отгремит твое шоу, – добавил он, – ты вернешься к нормальной жизни.

Софи бросила взгляд на Онору, ожидая, что та тоже ошарашена, но вдова только нервно заглатывала огурец за огурцом, едва приоткрывая пересохшие губы.

– Отец, ты хочешь, чтобы мне… чтобы я… – Софи не могла даже произнести эти слова, – чтобы я взбивала м-м-масло?

– А что, нарастим немного мускулов на эти тонюсенькие ручки, – усмехнулся отец, продолжая жевать, а Джейкоб и Адам тем временем не преминули похвастаться бицепсами.

– Но я знаменитость! – взвизгнула Софи. – У меня есть фанаты – есть даже моя статуя! Я не могу работать! Только не с ней!

– Тогда, наверное, тебе следует найти другое дело, которым ты будешь зарабатывать на жизнь, – сказал Стефан, обгладывая косточку. – Пока ты в этой семье, ты должна вносить свой вклад. Или мальчики с радостью займут твою комнату.

Софи задохнулась от возмущения.

– А сейчас – *ешь*, – бросил он так резко и зло, что она была вынуждена подчиниться.

Наблюдая из противоположной части комнаты за тем, как Агата переодевается в свое старое мешковатое черное пла-

тье, Рипер недоверчиво рычал, изредка прерываясь на обсасывание рыбьих костей.

– Видишь? Я все та же старая добрая Агата.

Она захлопнула крышку сундука, набитого одолженной у Софи одеждой, отпихнула его к двери и опустилась на колени перед своим лысым морщинистым котом:

– Теперь ты снова можешь быть со мной милым.

Рипер зашипел.

– Это же я, – сказала Агата, пытаясь погладить его, – я ни капельки не изменилась!

В ответ Рипер оцарапал ее и тут же смылся.

Агата потерла свежие царапины на руке – красные среди других, уже слегка заживших. Она плюхнулась на свою кровать, а Рипер свернулся в заросшем плесенью углу – настолько далеко от нее, насколько позволяла комната.

Она свернулась калачиком и обняла подушку.

Я счастлива.

Она слушала, как дождь стучит по соломенной крыше и, просачиваясь сквозь дыру в потолке, капает в мамин черный котел.

Дом, милый дом!

Цок-цок-цок – вторил ей дождь.

Софи и я.

Она уставилась на голую треснувшую стену. *Цок-цок-цок*.

Будто меч в ножнах бьется о пряжку ремня. *Цок-цок-цок.* Сердце застучало в груди сильнее, кровь вскипела раска-

ленной лавой – все это происходило с ней и раньше. *Цок-цок-цок.* Черный котел превратился в его черные сапоги. Соломенная крыша стала его золотыми волосами. Небо, которое виднелось в окне сквозь тучи, пролилось голубизной его глаз. Подушка в ее руках обернулась смуглой подтянутой плотью…

– Дорогая, мне нужна твоя помощь, – раздался тонкий голос.

Агата проснулась словно от толчка, все еще сжимая подушку, которая теперь была влажной от пота. Она сползла с кровати и, пошатываясь, поспешила к двери. На пороге стояла ее мать, нагруженная двумя корзинами: одна битком набита корнями и листьями, а другая – головастиками, тараканами и ящерицами.

– Что за…

– Теперь ты наконец покажешь мне, как варить кое-какие зелья, которые ты изучала в школе! – прощебетала Каллиса, выпучив от возбуждения глаза. Обе корзины плюхнулись прямо в руки Агате. – Сегодня было не так уж много пациентов. У нас есть время на зельеварение!

– Мама! Я же объясняла тебе, я больше не могу творить волшебство, – сказала Агата, ставя корзины на пол и закрывая дверь. – Наши пальцы здесь не светятся.

– Почему бы тебе тогда просто не рассказать мне по пунктам, что конкретно вы делали? – спросила мать, взбивая черный купол своих сальных волос. – Покажи хотя бы, как ва-

рить бородавочное зелье.

– Послушай, я оставила все это в прошлом.

– Ящериц лучше добавлять свежими? А что еще мы можем с ними приготовить?

– Я уже не помню всей этой ерунды…

– Но они же испортятся…

Хватит!

Но ее мать была непреклонна.

– Прошу тебя! – взмолилась Агата. – Я не хочу говорить о школе!

Каллиса мягко забрала корзину из ее рук:

– Когда ты вернулась домой, я была вне себя от счастья, – она посмотрела в глаза дочери. – Но с другой стороны, я беспокоилась, когда думала о том, ЧТО тебе пришлось бросить.

Пока ее мать оттаскивала корзины на кухню, Агата уставилась на свои черные неуклюжие башмаки.

– Ты знаешь, как я не люблю зря переводить продукты, – Каллиса вздохнула, – будем надеяться, что наши котлы выдержат похлебку из ящериц.

В свете факела Агата шинковала лук и слушала, как мать что-то фальшиво напевает себе под нос, – точно так же, как она делала каждый вечер. Вдруг непонятно почему Каллисе полюбилось их кладбищенское гнездышко и уединенный быт.

Агата положила нож.

– Мама, как понять, что человек уже нашел свое «долго

и счастливо»?

– Хммм? – вопросительно промычала Каллиса. Ее костлявые руки бросили в котел горсть тараканов.

– Ну, я имею в виду людей в сказке. Как они это понимают?

– Там должно быть написано, дорогая, – мать кивнула в сторону книги, выглядывающей из-под кровати Агаты.

Агата взглянула на последнюю страницу, где светловолосый принц и черноволосая принцесса целовались на своей свадьбе на фоне зачарованного замка…

КОНЕЦ.

– Но что, если два человека не могут заглянуть в конец своей книги? – она уставилась на принцессу в объятиях принца. – Как они поймут, что уже счастливы?

– Если им нужно кого-то об этом спрашивать, то скорее всего они несчастливы, – ответила ее мать, топя таракана, который отчаянно не желал тонуть.

Глаза Агаты еще чуть-чуть задержались на принце. А потом она захлопнула книгу и кинула ее в огонь, над которым висел котел:

– Самое время избавиться от этой ерунды! Все остальные давно уже это сделали.

Она снова принялась резать лук, орудуя ножом еще быстрее, чем прежде.

– С тобой все в порядке, дорогая? – спросила Каллиса, услышав, что дочь шмыгает носом.

Агата смахнула с глаз слезы:

– Это от лука.

Дождь закончился, но холодный осенний ветер носился по кладбищу, освещенному лишь двумя с трудом удерживающими пламя факелами над лязгающими воротами. Когда Софи добралась до могилы, ее мышцы сводило, а стук сердца отдавался в ушах, словно умоляя ее держаться от этого места подальше. Капельки пота заскользили по ее спине, и она, зажмурившись, упала на колени в траву и грязь.

Она никогда не смотрела на это. Никогда.

Сделав глубокий вдох, Софи отважилась открыть глаза. Она с трудом смогла различить изображение бабочки, почти стертое временем. Бабочка взмахнула крыльями и застыла над нанесенными на надгробный камень словами

ЛЮБИМОЙ ЖЕНЕ И МАТЕРИ

Два камня поменьше, оба неподписанные, жались к камню ее матери, словно два крылышка. Пальцы Софи в безупречных белых перчатках начали выдергивать мох из трещин на одном из камней, порядочно заросшем за годы забвения. Пока она вычищала плесень и сорняки, ее уже сильно испачканные перчатки наткнулись на глубокие выемки в камне, явно кем-то намеренно нанесенные, а не просто оставленные беспощадным временем. На камне было что-то выгравировано. Она пригляделась…

– Софи?

Девочка обернулась и увидела приближающуюся Агату, закутанную в драное черное пальто и вооруженную подтекающей свечой в соуснике.

– Моя мама увидела тебя из окна.

Агата опустилась на землю рядом с Софи и поставила свечу напротив могил. Софи долго молчала, прежде чем заговорить.

– Он думал, что это была ее вина, – наконец сказала она, не сводя глаз с двух неподписанных могильных камней. – Два мальчика, оба родились мертвыми. Как еще это можно было объяснить?

Она заметила, как из темноты выпорхнула синяя бабочка и уселась в трещинку на обветшалом надгробии ее матери.

– Все доктора в один голос твердили, что она не сможет больше иметь детей. Даже твоя мать была того же мнения, – Софи замолчала на секунду и едва улыбнулась синей бабочке. – Но однажды это все-таки случилось. Она была так слаба, что никто и не думал, что беременность продлится долго, однако ее живот продолжал расти. «Чудесное дитя» – вот как старейшины назвали его. Отец сказал, что назвал бы его Филипом. – Софи повернулась к Агате: – Вот только девочку Филипом назвать нельзя.

Софи снова замолчала, ее лицо затвердело.

– Она любила меня, несмотря на то, какой слабой я ее сделала. Не важно, сколько раз она видела, как он заглядывает домой к ее подруге и остается там. Софи старалась сдержать слезы: – Онора ведь была ее подругой, Агата. Ее лучшей подругой! Как она могла?!

И она горько заплакала, закрываясь грязными перчатками.

Агата опустила глаза и не проронила ни слова.

– Я видела, как она умирает, Агги. Разбитая и преданная, – Софи отвернулась от могилы. – А сейчас он получит

все, что хотел.

– Ты не можешь ему помешать, – мягко сказала Агата, коснувшись ее плеча.

Софи сбросила ее руку:

– И позволить ему выйти сухим из воды?!

– А у тебя есть выбор?

– Ты все еще думаешь, что свадьба состоится? – Софи взвизгнула: – Послушай!..

– Софи…

– Это *он* должен был умереть! – щеки Софи вспыхнули от гнева. – Он и его маленькие принцы! Тогда я буду счастлива в этой тюрьме!

Ее лицо налилось кровью, и у Агаты мороз пробежал по коже. Впервые после их возвращения домой она увидела смертельно опасную ведьму, таящуюся в ее подруге и жаждущую вырваться на свободу.

Софи заметила, как в глазах Агаты мелькнул страх.

– П-п-п-прости меня… – заикаясь, промолвила она и отвернулась. – Я не знаю, что на меня нашло…

Ее лицо смягчилось, и стало заметно, что девочке стыдно. От ведьмы не осталось и следа.

– Я скучаю по ней, Агги, – прошептала Софи, вся дрожа. – Я знаю, мы обрели свое «долго и счастливо». Но я до сих пор скучаю по своей матери.

Агата, поколебавшись, все-таки дотронулась до плеча подруги. Софи потянулась к ней, и Агата крепко обняла ее.

– Как бы я хотела увидеть ее снова! – твердила Софи сквозь слезы. – Я бы все сделала для этого! Все!

Старые башенные часы пробили десять раз, и между каждым ударом врывались громкие страдальческие стоны. Прижавшись друг к другу, девочки различили силуэт старого мистера Довиля, который катил тележку с остатками книг из своей закрытой лавки. Каждые несколько шагов он останавливался передохнуть, едва справляясь с тяжестью никому не нужных сказок, а затем вновь продолжал путь. Девочки смотрели на него, пока он не скрылся за углом и не затих унылый скрип его тележки.

– Я не хочу кончить, как она, одинокой и… забытой, – выдохнула Софи. – Она повернулась к Агате, пытаясь улыбнуться: – Но ведь у моей матери не было такой подруги, как ты! Ты бросила принца ради того, чтобы мы были вместе. Разве я могу сделать кого-то таким же счастливым? – ее взгляд затуманился. – Я не достойна тебя, Агата. Серьезно, не достойна. После всего, что я натворила.

Агата молчала.

– Кто-то добрый позволил бы этой свадьбе состояться, правда? – Софи мягко гнула свою линию. – Кто-то такой же добрый и хороший, как ты.

– Уже поздно, – сказала Агата, поднимаясь. Встав, она протянула руку Софи.

Софи смиренно протянула свою:

– Мне еще нужно найти походящее платье на свадьбу.

Агата выдавила улыбку:

– Видишь? Во всем есть свои плюсы.

– Конечно, я должна выглядеть лучше, чем невеста! – Софи уже неслась впереди подруги.

Агата фыркнула и схватила факел, висевший на воротах:

– Погоди, я провожу тебя домой.

– Как мило, – сказала Софи, не останавливаясь ни на секунду. – Так я смогу дольше наслаждаться запахом лукового супа, который ты ела на ужин.

– Лукового супа с ящерицами, если быть точной.

– Я правда не понимаю, почему мы дружим.

Две фигуры, будто прилипшие друг к дружке, прошли сквозь жалобно скрипнувшие ворота; свет факела обрисовал две длинные тени на заросшей травой тропинке.

Когда силуэты подруг растворились в ночи, порыв ветра, пролетев через все кладбище, раздул пламя свечи, стоящей в грязном соуснике. Пламя росло и росло, и вот уже стала видна синяя бабочка, так необычно устроившаяся прямо на памятнике. Затем огонек свечи набрался сил и осветил орнамент на надгробиях двух маленьких безымянных могил. На каждом было выгравировано по лебедю.

Один был белый.

Другой черный.

Ветер с ревом пронесся между могилами и затушил свечу.

2
Агата тоже загадывает желание

Кровь. Пахло кровью.

Еда!

Проламываясь сквозь деревья, рыча и капая слюной, чудовище неслось на запах. Лапы с огромными когтями перемалывали землю, кромсали ветки, с силой отталкивались от камней. Быстрее, еще быстрее. Вот наконец оно услышало их дыхание и различило следы крови на земле. Один из них был ранен.

Еда!

Оно кралось в кромешной темноте внутри длинного полого ствола дерева, слизывая кровь и чувствуя запах их страха. Чудовище выждало, пока им некуда стало бежать, и вскоре услышало их жалобное хныканье. Мало-помалу они становились виднее – две фигурки в лунном свете, сжавшиеся между поваленным деревом и зарослями колючего кустарника. Старший мальчик, раненый и бледный, обнимал младшего.

Чудовище сгребло обоих и прижало их, плачущих, к себе. Устроившись в кустарнике, чудовище нежно укачивало детей, пока они не перестали хныкать и не поняли, что чудовище было добрым. Вскоре дыхание мальчиков стало глубже, они удобно свернулись на груди у чудовища, которое сжимало их все крепче… все сильнее… до хруста костей… пока мальчики не проснулись, задыхаясь…

…И не увидели перед собой кровавую улыбку Софи.

Софи пулей вылетела из кровати и споткнулась о прикроватную свечку, которая тут же забрызгала стену лавандовым воском. Девочка метнулась к зеркалу и увидела в нем лысую, беззубую, всю в оспинах и бородавках старуху…

– Помогите, – сдавленно прошептала она, закрывая глаза…

Когда она снова взглянула на себя в зеркало, ведьмы уже не было. Там отражалось только ее красивое лицо.

Софи судорожно ощупала свое дрожащее белое личико,

стирая с него выступивший холодный пот и проверяя, не появились ли на нем бородавки.

«Я добрая», – успокоила она себя, не найдя ни одной.

Но ее руки продолжали трястись, разум ее метался, не способный вытравить из памяти чудовище. Чудовище, которое она убила в далеком-далеком мире, чудовище, которое до сих пор охотилось за ее снами. Она вспомнила свою вспышку гнева на кладбище… Оцепеневшее лицо Агаты…

«Ты не сможешь быть доброй», – предупреждал ее когда-то Директор школы.

Во рту у Софи пересохло. Она будет улыбаться на свадьбе. Она будет работать у Бартлеби. Она станет есть жаркое, которое готовит вдова, и покупать игрушки ее сыновьям. Она будет счастлива здесь. Прямо как Агата.

Все что угодно, только бы снова не стать ведьмой!

– Я добрая, – повторила она в тишине.

Директор школы наверняка ошибался. Она же спасла жизнь Агате, а та спасла жизнь ей.

Они были дома, вместе. Загадка решена. Директор школы мертв.

Книга закрыта.

«Определенно добрая», – заверила себя Софи и легла обратно в кровать, устраиваясь на подушке поудобнее.

Вот только она до сих пор чувствовала во рту привкус крови.

Жестокий ночной ветер исчез, а туман рассеялся, открыв

ослепляющее солнце, такое яркое для ноября, что казалось, этот день создан для любви. Любая свадьба в Гавальдоне и так была событием, но в эту пятницу даже лавки закрылись, а площадь опустела. А все потому, что Стефан был очень известным человеком. Почти весь город собрался сегодня на его заднем дворе под белым шатром. Вишневый пунш и сливовое вино лились рекой, и трое музыкантов, слегка уставших от вчерашних похорон, мило пиликали на скрипках.

Агата не была уверена, что ее старая черная роба – подходящий костюм для свадьбы, но зато эта одежда отлично подходила под ее настроение. Она проснулась несчастной и не имела ни малейшего понятия отчего. «Я нужна Софи счастливой», – сказала она себе.

Но пока девочка тяжелой походкой спускалась с холма, лицо ее с каждым шагом становилось все более хмурым. К гостям в саду она присоединилась уже мрачной как туча. Нужно было срочно перестать отчаиваться, иначе она сделает Софи еще более несчастной…

Внезапно волна розового пронеслась сквозь толпу к Агате и обрушилась на нее, закружив девочку в пышном хороводе мантий и оборок.

– Спасибо, что ты со мной в этот особенный для нас день, – проворковала Софи.

Агата закашлялась.

– Я так счастлива за них, а ты? – радостно спросила Софи, утирая несуществующие слезы. – Это так волнующе! Полу-

чить новую мать, двух братьев и каждое утро ходить на работу в лавку, чтобы сбивать, – она сглотнула, – масло.

Агата вытаращилась на подругу, которая сегодня была в своем когда-то любимом платье:

– Ты опять носишь розовое…

– Такое же розовое, как и мое доброе сердце, – прошептала Софи одними губами, поглаживая розовые ленточки на своем платье.

Агата моргнула:

– Они подмешали поганок в пунш?

– Софи!

Обе девочки обернулись и увидели Джейкоба, Адама и Стефана, которые пытались поправить покосившуюся гирлянду голубых тюльпанов, украшавшую алтарь. Мальчики забрались на тыквы, чтобы достать до гирлянды, и приветливо махали Софи с высоты.

– Милые маленькие коротышки, – улыбнулась Софи, – так бы их и съела…

Агата заметила, как зеленые глаза ее подруги на миг похолодели от страха. Но страх тут же исчез, оставив после себя лишь темные круги под глазами. Шрамы от кошмаров. Она уже видела их на Софи.

– Софи, это я, – шепнула Агата, – тебе не нужно притворяться.

Софи тряхнула головой:

– Ты и я, Агги. Вот что мне нужно, чтобы быть доброй, –

сказала Софи надтреснутым голосом. – Она сжала руку Агаты и вгляделась в темные глаза подруги. – С твоей помощью я могу держать ведьму внутри себя мертвой. Все остальное я переживу.

Она еще сильнее вцепилась в Агату и повернулась к алтарю.

– Я иду, ребята! – прощебетала она с натянутой улыбкой и унеслась помогать своей новой семье.

Вместо того чтобы растрогаться, Агата почувствовала себя еще более несчастной.

Да что со мной не так?!

Рядом появилась мать и протянула ей бокал пунша, который Агата осушила одним глотком.

– Я добавила пару светлячков, – сказала Каллиса, – чтобы немного осветить твое кислое лицо.

Агата чуть не подавилась пуншем.

– Серьезно, дорогая. Я знаю, что свадьбы гнилая тема, но постарайся выглядеть дружелюбнее, – заметила она и, кивнув в сторону Старейшин, добавила: – Они и так презирают нас. Не надо давать им лишнего повода.

Агата взглянула на трех морщинистых бородачей в остроконечных черных шляпах и серых плащах по колено, которые сновали между сиденьями, пожимая руки гостям. Длина бороды указывала на возраст ее обладателя, и у самого пожилого из Старейшин она была почти до пояса.

– Почему они обязательно должны давать свое разреше-

ние на свадьбу? – спросила Агата.

– Дело в том, что когда начались похищения детей, Старейшины обвинили в этом женщин вроде меня, – ответила мать, вытряхивая перхоть из волос. – Тогда считалось, что если ты не вышла замуж сразу после окончания школы, то ты ведьма. Поэтому Старейшины принуждали всех холостых мужчин жениться, – она выдавила кривую улыбку. – Вот только даже принуждения и угрозы не заставили ни одного юношу взять меня замуж.

Агате вспомнилось, как ни один мальчик не хотел пойти с ней на бал. Пока…

Она помрачнела еще больше.

– Тем не менее похищения продолжались, и Старейшины смягчили свои требования. Теперь они только «одобряют» свадьбы. Но я до сих пор помню, как ужасно они устраивали браки, – продолжала ее мать, закапываясь ногтями в волосы. – Стефан, кстати, пострадал больше всех.

– Почему? Что с ним произошло?

Рука Каллисы дрогнула, казалось, она совсем забыла, что дочь ее слушает.

– Ничего, милая. Ничего, что имело бы сейчас значение.

– Но ты сказала… – Агата не успела договорить, так как услышала, что ее зовут.

Девочка обернулась и увидела Софи, которая махала ей, предлагая занять место в первом ряду:

– Агата, мы начинаем!

Девочки сидели плечом к плечу в двух шагах от алтаря. Агата боялась, что Софи в любой момент может расклеиться. Однако подруга продолжала улыбаться, даже когда ее отец присоединился к священнику у алтаря. Даже когда музыканты заиграли церемониальную музыку, ее лицо оставалось безмятежно спокойным. И даже после того как Джейкоб и Адам, оба в одинаковых белых костюмах, прошествовали по проходу, разбрасывая розы, ни один мускул на ее лице не дрогнул. После месяцев пререканий с отцом, борьбы за его внимание, столкновений с суровой реальностью и…

Софи изменилась.

Ты и я, Агги…

Больше всего на свете девочка желала, чтобы Софи для счастливой жизни было достаточно только ее, Агаты. Чтобы Софи нуждалась в ней так же, как она была нужна ей. И вот наконец Агата обрела счастливый конец для своей сказки.

Вот только сейчас, сидя в первом ряду, она совсем не чувствовала себя счастливой. Что-то в этой свадьбе ее настораживало. Червь сомнения закрался в ее душу. Прежде чем она смогла побороть его, скрипачи приглушили музыку, и все присутствующие поднялись, оглядываясь на Онору, которая неуклюже переваливалась по проходу. Агата внимательно следила за Софи, ожидая, что та все-таки сорвется, но подруга даже бровью не повела и, казалось, легко смирилась с нелепым видом своей будущей мачехи вместе с ее прической-луковицей, пухлым задом и платьем в пятнах, сильно

смахивающих на глазурь от торта.

– Дорогие друзья и родственники жениха и невесты, – начал священник, – мы собрались здесь, чтобы сдать свидетелями союза двух влюбленных сердец…

Стефан взял Онору за руку, и Агата почувствовала себя еще чуточку несчастнее. Она ссутулилась и надула губы…

Каллиса, сидящая через проход, бросила на дочь сердитый взгляд. Агата выдавила фальшивую улыбку.

– Счастье рождается из искренности, из желания доказать свою любовь одному человеку, тому, который нам по-настоящему нужен, – продолжал священник.

Агата почувствовала, как Софи трепетно берет ее руку, будто у них обеих есть все, что нужно для счастья, прямо здесь и сейчас.

– Так взрастите любовь, которая заполнит вас полностью, такую любовь, которая будет длиться вечно…

Ладонь Агаты взмокла.

– …потому что вы выбрали эту любовь. Вы сами выбрали именно такой, счастливый конец своей сказки.

С ее ладони уже падали капли пота, но Софи не отпускала ее.

– И теперь вы будете жить вместе долго и счастливо…

Сердце Агаты молотом стучало о ребра. Ее лицо горело.

– И если ни у кого нет возражений, то этот союз скреплен навсегда…

Агата покачнулась, чувствуя прилив тошноты…

– Я объявляю вас…

И тут она увидела это.

– …мужем и…

Ее палец горел золотым сиянием.

Она вскрикнула от удивления, и Софи мгновенно к ней повернулась…

И тут что-то пролетело между ними, раскидав девочек в разные стороны. Агата еле увернулась от еще одной стрелы, которая только слегка оцарапала ее горло. Вокруг раздавался детский плач и грохот падающих стульев. Паникующая толпа пыталась укрыться от десятков золотых стрел, которые со свистом носились в воздухе, то и дело оставляя новые дыры в шатре. Агата огляделась в поисках Софи, но шатер сорвался с креплений и накрыл визжащую толпу, поглотив ее. Девочка могла видеть только неясные силуэты, неуклюже пытающиеся вырваться из-под полотна. Под свист разрывающих ткань стрел, еле дыша, Агата кралась на четвереньках по разбитому алтарю, ее руки цеплялись за растоптанные гирлянды и увязали в грязи. Кто это делал?! Кто способен расстроить свадьбу?!.

Агата застыла. Сейчас ее палец сверкал еще ярче, чем прежде.

Нет, не может быть!

Она услышала девичий крик и узнала голос. Дрожа, Агата пробиралась под перевернутыми стульями, отпихивая от себя жалкие остатки шатра, пока не вывалилась прямо в сад,

ослепленная внезапным светом. Она ожидала увидеть перед собой бойню…

Но люди просто стояли там, в тишине, и, не двигаясь, наблюдали за ливнем стрел.

Стрелы неслись из леса.

Агата в ужасе попыталась закрыться, но поняла, что стрелы летят совсем не в нее. Деревенские жители тоже не были их мишенями. Из какого бы уголка леса стрелы ни появлялись, они, вильнув в последний момент, неслись к одной-единственной цели.

– А-а-а-ай!

Софи, пригибаясь, бегала вокруг своего дома и отбивала стрелы хрустальной туфелькой.

– Агата! Агата, помоги!

Очередная стрела чуть было не рассекла ей голову. Софи побежала вниз по холму с бешеной скоростью. Стрелы устремились за ней…

– Кто может желать моей смерти?! – вопила Софи, обращаясь к мученикам на витражах и статуям святых.

Агата сидела рядом с ней на скамье. Вот уже две недели Софи пряталась в церкви, единственном месте, где стрелы ее не преследовали. Снова и снова она пыталась сбежать, но стрелы атаковали ее с удвоенной яростью; они неслись из леса, разрывая все на своем пути, а за ними мчались пики, топоры, кинжалы и дротики. К третьему дню стало ясно, что

пощады не будет. Кто бы ни хотел ее смерти, он будет преследовать ее столько, сколько потребуется.

Поначалу Софи не видела причин для паники. Горожане доставляли ей еду (принимая во внимание ее «смертельную аллергию» на пшеницу, сахар, молочные продукты и красное мясо), Агата снабжала ее травами и корешками, которые были ей необходимы для приготовления кремов, а Стефан пообещал, что не будет жениться до тех пор, пока его дочь не вернется домой целой и невредимой. Пока жители города безуспешно обыскивали лес в поисках злоумышленников, «Городской вестник» назвал Софи «храброй маленькой принцессой» за то, что она взвалила на себя тяжкую ношу еще одного проклятия. Старейшины тем временем приказали покрыть ее статую свежей краской. Вскоре детишки снова начали просить автографы, гимн города был переделан в «Благословенна будь, наша Софи», а мужчины по очереди сторожили церковь. Был даже разговор о постоянном соло-выступлении в театре, как только она окажется в безопасности.

– «La Reine Sophie»[2], грандиозное трехчасовое чествование моих заслуг, – с восторгом рассказывала Софи, вдыхая аромат заполонивших церковь букетов, посланных горожанами в знак признательности.

– Немного кабаре, чтобы взбудоражить кровь, щепотку цирковой интермедии с дикими львами и трапецией, а на за-

---

[2] «La Reine Sophie» – Королева Софи.

куску впечатляющее переложение монолога «Я просто обычная девушка». Ох, Агата, как долго я искала свое место в этом закоснелом, скучном городишке! Оказывается, мне всего лишь нужна была роль, которая мне по плечу!

Внезапно тень волнения пробежала по ее лицу:

– Ты же не думаешь, что они оставят попытки меня убить? Это же самое лучшее, что когда-либо со мной случалось!

Однако атаки усилились.

В первую ночь из леса вылетели зажигательные бомбы, которые спалили дотла дом Белль, оставив всю ее семью на улице. На следующую ночь из-за деревьев вытекло кипящее масло и поглотило уже не один дом, а целую улицу. На дымящихся руинах убийцы оставили выжженное сообщение:

На следующее утро, пока Старейшины успокаивали толпу бунтующих горожан, Стефан примчался в церковь.

– Только так я и Старейшины сможем тебя защитить, – сказал он дочери, орудуя молотком и замками.

Агата отказалась уходить, поэтому он запер и ее.

– Я думала, что наша история уже дописана! – плакала Софи, вслушиваясь в скандирование толпы за стеной:

– Отдайте ее! Отдайте ее!

Она плюхнулась на скамью.

– Почему ты им не нужна? Почему злодейка всегда я? И почему я всегда под замком?

Сидящая рядом с ней Агата глазела на мраморную статую святого над алтарем, который изо всех сил стремился к ангелу. Он вытянул сильную руку, выкатил грудь колесом и явно хотел следовать за ангелом, куда бы тот ни отправился…

– Агги?

Агата вырвалась из своих мыслей и повернулась:

– Ты умеешь наживать врагов.

– Я пыталась быть доброй! – настаивала Софи. – Я пыталась быть такой, как ты!

Агата снова испытала это неприятное чувство. То самое, которое она пыталась подавить.

– Агги, сделай что-нибудь, – Софи схватила ее руку, – ты же всегда все приводишь в порядок!

– Может, я не такая уж и добренькая, как ты думаешь, – пробормотала Агата и выдернула свою руку, притворившись, будто ей срочно понадобилось протереть башмак. В хрупкой тишине она ощущала на себе сверлящий взгляд Софи.

– Агги.

– Да.

– Почему твой палец светился?

Агата почувствовала, как все ее мышцы разом сжались.

– Что?

– Я видела это, – тихо произнесла Софи. – На свадьбе.

Агата взглянула на нее:

– Скорее всего, просто игра света. Магия здесь не работает.

– Правильно.

Агата затаила дыхание. Она понимала, что Софи размышляет.

– Но ведь учителя никогда не блокировали наши пальцы, так? – сказала ее подруга. – А магия следует за желаниями и чувствами. По крайней мере, так они нам говорили.

Агата изменилась в лице:

– И что?

– Ты выглядела несчастной на свадьбе, – заметила Софи. – Ты уверена, что тебя ничего не расстроило настолько, чтобы магия заработала?

Агата встретилась с подругой глазами. Софи смотрела на нее так, точно видела насквозь.

– Я знаю тебя, Агата.

Агата вцепилась в скамью, на которой сидела.

– Я знаю, почему тебе было грустно.

– Софи, я не специально! – выпалила Агата.

– Ты была расстроена из-за моего отца, – сказала Софи, –

из-за всего того, через что он заставил меня пройти.

Агата изумленно смотрела не нее, а потом кивнула:

– Да. Угу. Ты меня поймала.

– Сперва я подумала, что это ты наложила заклятие, чтобы остановить свадьбу. Вот ведь глупость, да? – Софи фыркнула. – Ведь это означало бы, что это ты направила на меня стрелы.

Агата выдавила хриплый смешок, стараясь не смотреть на нее.

– Просто совпадение, – вздохнула Софи, – как ты и сказала.

Какое-то время они сидели молча, слушая крики горожан на площади.

– Не беспокойся за моего отца. Мы с ним будем в порядке, – произнесла Софи. – Ведьма не вернется, Агги. Пока мы друзья, этого не случится.

В ее голосе не было фальши. Агата удивленно подняла глаза.

– Ты делаешь меня счастливой, – улыбнулась Софи. – Просто мне понадобилось слишком много времени, чтобы понять это.

Агата попыталась удержать свой взгляд на Софи, но глаза ее притягивала статуя святого над алтарем, тянущая руку, точно принц, кинувшийся к своей принцессе.

– Ты увидишь. Мы, как всегда, придумаем план, – сказала Софи, между зевками обновляя слой розовой помады на

губах. – Правда, может, сначала стоит немного вздремнуть для поддержания красоты…

Софи, как заправский кот, свернулась клубком на скамье, положив подушку на колени подруги. Агата заметила, что это была любимая подушка Софи. Та самая, с вышитыми обнимающимися принцем и принцессой. А внизу надпись: «И жили они долго и счастливо». Вот только Софи немного подправила принца, воспользовавшись набором для вышивания. Теперь у него были прямые темные волосы, суровые вытаращенные глаза… И черное платье.

Агата наблюдала, как пару раз вдохнув и выдохнув, ее лучшая подруга провалилась в спокойный сон. Казалось, впервые за долгие недели ее не мучали кошмары.

Под крики толпы, звучащие все громче («Отправьте ее обратно! Отправьте ее обратно!»), Агата смотрела на подушку Софи, чувствуя, как в животе шевельнулось знакомое мерзкое чувство.

То же чувство она испытала, когда смотрела на картинку со сказочным принцем на своей кухне. То же чувство у нее было, когда она видела мужчину и женщину, обменивающихся клятвой верности. То же чувство возникало у нее, когда она сжимала руку Софи. Оно становилось все сильнее и сильнее, пока ее палец в конце концов не засветился, выдавая ее секрет. Ужасный непростительный секрет, который легко смог разрушить сказку.

Пару дней назад, наблюдая за свадьбой, которой у нее ни-

когда не будет, Агата загадала желание.

Она пожелала другого конца для своей сказки.

Она захотела прожить свое «долго и счастливо» с кем-то другим.

И тогда стрелы полетели в Софи.

Стрелы, которые не остановятся, как бы сильно она ни хотела вернуть желание обратно.

3
Хлебные крошки

В ту ночь огромный валун, вылетевший из леса, сначала сровнял с землей дом Рэдли, а затем врезался в башню с часами, которая, падая, издала последний тяжкий звон и обрушилась на кричащих жителей, разбегающихся с площади в разные стороны. Вскоре все улицы города были усеяны обломками. Родители, прижимая к себе детей, укрывались в колодцах и канавах, следя за тем, как булыжники метеоритами летают по ночному небу. К четырем утра обстрел закончился, а от города осталась в лучшем случае половина. Дрожащие от страха жители увидели, как вдалеке осветился театр и огоньки на красном занавесе сложились в угрожающую надпись:

Софи или смерть

А Софи беспечно спала и даже не догадывалась о происходящем. Агата сидела с ней рядом, также запертая в церкви, и прислушивалась к крикам и отзвукам ударов. Отдать им Софи – и ее лучшая подруга умрет. Не отдавать Софи –

и весь ее город погибнет. Агата сгорала от стыда. Она смогла вновь открыть ворота между мирами. Но для кого? Кто хотел смерти Софи?!

И должен же быть способ все исправить. Если она смогла открыть ворота, она же их и закроет!

Для начала она попыталась заставить свой палец светиться, сосредоточившись на своей злости. Ее щеки раздулись от гнева на убийц, на себя, на свою глупость, но палец почему-то стал даже еще бледнее, чем был. Тем не менее она все равно попыталась наложить заклятие защиты на церковь, но чары, как она и ожидала, не подействовали. Она попробовала молиться святым на витражах, загадывала желание на восходящую звезду, потерла каждую лампу в церкви в надежде найти там джинна, и, когда все ее усилия не увенчались успехом, она выхватила розовую помаду из кулака Софи и написала на залитом лучами рассветного солнца окне:

Возьмите меня вместо нее!

К своему удивлению, она получила ответ:

Нет.

Буквы вспыхнули прямо в воздухе на опушке леса.

Агата заметила, как между деревьями промелькнуло что-то красное, однако разглядеть ничего не успела.

Она написала:

Кто ты?

Пламя из леса ответило:

Отдай нам Софи!

Она потребовала:

Покажи себя!

Ответом ей было:

Отдай нам Софи!

Агата наспех вывела:

Ты ее не получишь!

Вместо ответа пушечное ядро разнесло статую Софи на куски.

Софи зашевелилась за ее спиной, бормоча что-то о связи плохого сна и угревой сыпи. Окончательно проснувшись, она поднялась со скамейки и, спотыкаясь в темноте, все-таки смогла зажечь свечу. Дрожащий бронзовый свет дотянулся до деревянных перекрытий церкви. Затем Софи сделала несколько упражнений из йоги, съела несколько миндальных орешков, натерла лицо сначала скрабом с грейпфрутовыми косточками, а затем чешуей форели. Закончила она свой моцион нанесением крема из какао.

Софи повернулась к Агате, все еще сонно улыбаясь:

– Доброе утро, дорогая! Какой у нас план?

Но Агата, ссутулившаяся у подоконника, не сводила глаз с разбитого окна. Софи встала рядом. Перед ней открылся город, который буквально сровняло с землей; люди, лишенные крова, выбирались из-под огромных валунов, а валяющаяся каменная голова ее позолоченной статуи сурово смотрела на подруг со ступенек церкви. Улыбка Софи медленно погасла:

– Так у нас нет никакого плана?

БАХ!

Дубовые двери задрожали от удара молотка, сбивающего висячий замок.

БАХ! БАХ!

– Убийцы! – завопила Софи.

Агата побледнела от ужаса:

– Но церковь – это святое место!

Доски захрустели; шурупы выпали, звякнув об пол.

Девочки попятились к алтарю.

– Прячься! – прошептала Агата, и Софи суматошно забегала вокруг кафедры, как обезглавленная курица.

Что-то металлическое лязгнуло в двери.

– Ключ! – завизжала Агата. – У них есть ключ!

Она услышала щелчок замка. Позади нее Софи беспомощно барахталась среди занавесок.

– Прячься сейчас же! – выдохнула Агата.

Дверь с грохотом распахнулась, и она резко обернулась к темному порогу. В слабом свете свечи можно было различить сгорбившуюся черную тень, которая крадучись проникла в церковь.

Сердце Агаты остановилось.

Нет!..

Кривая тень скользнула по проходу, мелькая в свете свечи. Агата опустилась на колени за алтарем. Ее сердце стучало так сильно, что она не могла дышать.

Он же мертв!

Разорван в клочья белым лебедем и пущен по ветру! Перья черного лебедя осыпались мрачным снегом над школой в далеком-далеком царстве! Но сейчас Директор школы, вполне себе живой, крался к ней, и Агата, притаившись у кафедры, сжалась в комочек…

– Позиция уже непригодна для обороны, – послышался голос.

Голос совсем не Директора школы.

Агата выглянула из-за своей руки, за которой пыталась спрятаться, и ее взору предстал Старейшина с самой длинной бородой.

– Софи нужно отвести в безопасное место, – сказал Старейшина помоложе, выглядывая из-за его плеча и приветственно снимая остроконечную шляпу.

– И она должна отправиться туда сегодня же, – добавил самый младший Старейшина, поглаживая свою короткую бородку.

– Куда? – выдохнул кто-то.

Старейшины подняли головы вверх и увидели Софи на мраморном фризе, придавленную статуей обнаженного святого.

– Так ты *ТАМ* пряталась?! – гаркнула Агата.

– Куда вы меня заберете? – спросила Софи главного из Старейшин, безуспешно пытаясь высвободится из-под статуи.

– Не беспокойся, все уже устроено, – ответил он, надевая шляпу и направляясь к двери. – Мы вернемся за тобой вечером.

– Но как же атаки? – крикнула ему в спину Агата. – Как вы их остановите?

– Все устроено, – повторил тот, что был посередине, следуя за старшим.

– В восемь вечера, – добавил младший, семеня след в след за средним. – И только Софи.

– Откуда вы знаете, что она окажется в безопасности? – запаниковала Агата.

– Все устроено, – повторил главный из Старейшин и запер за собой дверь.

Ошарашенные девочки стояли молча, пока Софи не завизжала:

– Вот видишь? Я же тебе говорила! – Она соскользнула с фриза и сжала Агату в объятиях. – Все будет хорошо! Ничто не сможет разрушить наше «долго и счастливо»!

От облегчения у Софи будто выросли крылья, и она порхала, собирая свои кремы и огурцы в милый розовый чемоданчик. Ведь неизвестно, сколько времени пройдет, пока подруга сможет навестить ее с новой порцией трав. Она оглянулась на Агату, чьи большие темные глаза не отрывались от окна.

– Не тревожься, Агги. Все же устроено!

Но Агата смотрела на снующих меж руин жителей, кото-

рые кидали на церковь полные ненависти взгляды, и вспоминала те времена, когда, по словам матери, Старейшины все «устраивали»… Она могла лишь надеяться, что сейчас результаты будут лучше.

Перед закатом Старейшины разрешили Стефану зайти в церковь. Софи не видела его с тех пор, как он их запер. За это время он изменился: борода отросла, одежда стала грязной, а кожа приобрела землистый оттенок. Стефан явно недоедал, у него не было двух зубов, а левый глаз украшал свежий синяк. Так как его дочь была под защитой Старейшин, жители города вволю вымещали свое раздражение на нем.

Софи изобразила сочувственный вид, но ее сердце ликовало. Не важно, какой доброй она пыталась быть – ведьма внутри ее все еще хотела, чтобы отец страдал. Она взглянула на Агату, которая грызла ногти в углу и делала вид, что не прислушивается к их разговору.

– Старейшины сказали, что это ненадолго, – сказала Софи.

– Как только те трусы в лесу поймут, что тебя перепрятали, они заявятся сюда, чтобы проверить. И я буду готов их встретить. – Он почесал свой весь в черных точках нос и заметил, как дочь передернулась от отвращения. – Я знаю, у меня тот еще вид.

– Тебе нужен медовый крем, – сказала Софи, роясь в своей сумке с косметикой, пока не нашла мешочек из змеиной кожи. Однако отец неотрывно смотрел на разрушенный го-

род, и глаза его увлажнились.

– Отец?

– Горожане хотят выдать тебя. Но Старейшины сделают все для твоей защиты. Тем более под Рождество. Они гораздо лучше нас всех, – мягко произнес он. – Правда, никто в городе больше не хочет продавать мне еду. Как же мы выживем?..

Он вытер глаза.

Софи никогда не видела своего отца плачущим.

– Ну, я в этом не виновата, – вспылила она.

Стефан выдохнул:

– Софи, самое главное – чтобы ты вернулась домой.

Софи крутила в руках мешочек с медовым кремом:

– Так, и где ты теперь живешь?

– Вот еще одна причина моей непопулярности, – ответил отец, потирая разбитый глаз. – Тот, кто охотится за тобой, снес все дома – кроме нашего. Лавка с продуктами разрушена, но Оноре все еще как-то удается кормить нас каждый вечер.

Софи сильнее сжала свой мешочек:

– Нас?

– Мальчики переехали в твою комнату до тех пор, пока все не уладится. Мы с Онорой ждем подходящего момента, чтобы закончить свадьбу.

Софи изо всех сил швырнула в него мешочек. Голодный Стефан учуял мед в креме и плотоядно уставился на ее сум-

ку:

– У тебя есть что-нибудь, что мальчишки смогут съесть?

Агата заметила, что Софи на грани обморока, и немедленно вступила в разговор:

– Стефан, ты знаешь, куда Старейшины ее спрячут?

Он помотал головой.

– Но они уверили меня, что ни убийцы, ни горожане не смогут ее найти, – сказал он, наблюдая, как Софи тащит свою сумку на другой конец церкви, как можно дальше от него. Стефан подождал, пока она удалится настолько, что не сможет его слышать.

– Понимаешь, нам нужно ее спрятать не только от этих убийц, – прошептал он.

– Но она не сможет долго продержаться одна, – беспокоилась Агата.

Стефан взглянул в окно на окружающий Гавальдон лес, ставший теперь мрачным и казавшийся бесконечным под заходящим солнцем.

– Что там с вами случилось, Агата? Кто хочет убить мою дочь?

Ответа у Агаты пока не было.

– А что, если план Старейшин не сработает? – спросила она.

– Мы должны доверять Совету Старейшин, – Стефан отвел глаза, – им лучше знать, что нужно делать.

Агата заметила страдание на его лице. «Стефан пострадал

больше всех», – вот как сказала ее мать. Но что она имела в виду?

– Я позабочусь о ней, – виновато сказала Агата. – Софи будет в безопасности. Я обещаю!

Стефан наклонился и взял ее лицо в ладони:

– Мне нужно, чтобы ты сдержала это обещание.

Они обернулись к Софи. Девочка сидела на алтаре, крепко прижав сумку к груди.

– Я буду дома к выходным, – пробурчала Софи, – и хорошо бы на моей кровати лежали свежие простыни!

Когда пробило восемь часов, Софи все еще сидела на алтарном столе в окружении подтекающих свечей и слушала, как недовольно урчит ее желудок. Она позволила отцу забрать последние диетические (без масла!) крекеры для мальчиков, но только потому, что Агата практически принудила ее. Мальчишки ими точно подавятся. Эта мысль ее согревала.

Софи вздохнула.

Директор школы был прав. Я есть Зло.

Вот только со всеми своими талантами и колдовством он даже не догадывался, что от этого есть лекарство. Подруга, которая делает ее доброй. Пока у нее есть Агата, Софи ни за что не станет вновь мерзкой, страшной ведьмой.

Агата не хотела оставлять Софи одну, но Стефан настоял. Старейшины выразились четко: «Только Софи», и сейчас не

стоило оспаривать их приказы. Сейчас, когда они как раз собирались спасти ей жизнь.

Оказавшись в одиночестве, Софи почувствовала беспокойство. Кажется, Агату что-то тревожило. Она будто бы относилась к Софи настроженно – как тогда, когда Софи грубила ей, витая в мечтах сказочной принцессы. Но сейчас она уже не могла представить себе будущее без Агаты. Не важно, как долго Софи придется прятаться и как тяжело ей будет – она выдержит все, потому что знает: ее ждет подруга. Подруга, которая стала ее настоящей семьей.

Но тогда почему Агата так странно ведет себя последнее время?

Софи заметила, что за прошедший месяц дистанция между ними увеличилась. Во время их прогулок Агата почти не смеялась, отстранялась, когда Софи пыталась ее обнять, и казалась глубоко погруженной в свои мысли. Впервые с тех пор, как они познакомились, у Софи появилось ощущение, что она вкладывается в эту дружбу больше подруги.

А потом эта свадьба. Она притворилась, что не заметила, как ладонь Агаты ходила ходуном, словно хотела выскользнуть из руки Софи. Будто она не могла удержать какой-то страшный секрет.

Может, я не такая уж и добренькая.

Пульс застучал у Софи в ушах. Палец Агаты не мог светиться в тот день.

Или мог?

Она вспомнила о своей матери, которая тоже была красива, умна и очаровательна… У нее тоже была подруга, которой она доверяла… Вот только подруга предала ее, и мать умерла сломленная, в одиночестве.

Софи встряхнула головой, чтобы отогнать ненужные мысли. Вообще-то, ради нее Агата отказалась от принца. Почти пожертвовала своей жизнью. Агата вырвала для них счастливый конец, несмотря ни на что.

В холодной темной церкви сердце Софи билось все быстрее.

Так почему же она разрушила нашу сказку?

Позади нее со скрипом открылись двери. Софи, облегченно вздохнув, повернулась и увидела фигуры в серых плащах, сжимающие в руках черные шляпы.

Только главный Старейшина держал что-то другое.

Нечто более острое.

Когда живешь на кладбище, важно помнить, что мертвым освещение ни к чему. Свет давали лишь два факела над воротами, и кладбище казалось черным-черно, и все, что находилось за его пределами, сливалось в огромное чернильное пятно. Всматриваясь в темноту сквозь разбитые ставни своего окна, Агата видела размытые пятна белых палаток, сооруженных на месте разрушенных домов у подножия холма. Где-то там Старейшины вели Софи в безопасное место. Все, что она могла сделать, – только ждать.

– Мне нужно было спрятаться около церкви, – вздохнула

она и лизнула свежую царапину, оставленную Рипером, который все еще шипел на нее, словно Агата была ему незнакома.

– Ты не можешь ослушаться Старейшин, – сказала мать, напряженно сидя на кровати и поглядывая на каминные часы с костями вместо стрелок. – Они вели себя прилично, с тех пор как благодаря вам прекратились похищения. Пусть все так и остается.

– О, пожалуйста, – Агата усмехнулась. – Что мне могут сделать трое старикашек?

– То, что делают все мужчины, когда испуганы, – Каллиса не отрывала взгляда от часов. – Обвинить в ведьмовстве.

– М-м-м-м. И спалить нас на костре, как же, – фыркнула Агата, плюхаясь на кровать.

Напряжение повисло в воздухе. Она села и увидела озабоченное лицо матери, которая все еще смотрела в одну точку.

– Ну ты же не серьезно, мама.

На верхней губе Каллисы выступил пот.

– Когда стало ясно, что похищения не прекратятся, им понадобился козел отпущения.

– Они сжигали женщин? – не поверила Агата.

– Только незамужних. Вот чему их научили книги сказок.

– Но ты так и не вышла замуж, – парировала Агата, – почему же ты выжила?..

– Потому что был человек, который вступился за меня, – сказала мать, наблюдая, как кости на часах замерли на цифре

«восемь». – И он заплатил свою цену.

– Мой отец? Ты сказала, что он был гнилой двоеженец, который погиб в аварии на мельнице.

Каллиса молчала, уставившись на часы.

По спине Агаты пробежал холодок. Она посмотрела на мать:

– Что ты имела в виду, когда сказала, что Стефан пострадал больше всех? Когда Старейшины устроили его свадьбу?

Глаза Каллисы точно приклеились к часам.

– Проблема Стефана в том, что он доверился не тому, кому следовало. Он всегда считал, что все люди добрые.

Длинная кость сдвинулась с восьмерки. Плечи матери облегченно расслабились.

– Но никто не хорош настолько, насколько хочет казаться, – мягко произнесла Каллиса, наконец поворачиваясь к дочери. – Я уверена, ты уже знаешь об этом.

Агата впервые за вечер смогла увидеть глаза матери. В них стояли слезы.

– Нет, – выдохнула Агата, догадываясь; к ее щекам прилила кровь.

– Они скажут, это был ее выбор, – проскрежетала Каллиса. – Она же так хотела быть героиней.

– *Ты знала,* – задохнулась Агата и нетвердым шагом направилась к двери, – ты знала, что они не просто уведут ее…

Мать перехватила Агату на пороге:

– Они знали, что ты захочешь ее вернуть! Они пообещали

пощадить тебя, если я продержу тебя здесь до…

Агата отпихнула ее к стене – мать снова бросилась к ней, но было уже поздно.

– Они убьют тебя! – крикнула Каллиса в окно, но темнота уже накрыла ее дочь своим чернильным крылом.

В темноте, спотыкаясь и падая, Агата сбегала с холма. Поскользнувшись в конце спуска, она покатилась по холодной мокрой траве и врезалась в основание палатки. Пробормотав путаные извинения семье, которая приняла ее за очередное пушечное ядро, она стремглав бросилась к церкви. Агата лавировала между десятками бездомных, которые готовили жуков и ящериц себе на ужин, кутали детей в грязные тряпки и собирались с духом перед следующим нападением, которого, как они надеялись, может и не случиться. Завтра Старейшины примутся оплакивать храброе «самопожертвование» Софи, ее статуя займет свое законное место, а жители будут праздновать новое Рождество, освобожденные от очередного проклятия…

С криком Агата рванула дубовые двери на себя.

Церковь была пуста. Вдоль всего прохода тянулись длинные глубокие царапины.

Софи всю дорогу волочила ноги в хрустальных туфельках.

Агата упала на колени в грязь.

Стефан.

Она пообещала ему. Она пообещала, что его дочь будет в безопасности.

Агата согнулась, спрятав лицо в ладони. Это была ее вина. Это всегда будет ее вина. У нее было все, чего она желала. У нее была подруга, у нее была любовь – у нее была Софи. И все это богатство она обменяла на одно желание. Она была злой. Хуже чем злой. Она была той, кто заслуживает смерти.

– Пожалуйста… Я приведу ее домой, – она тяжело глотала воздух. – Пожалуйста… Я обещаю… Я все сделаю…

Но делать было нечего. Софи исчезла. Доставлена невидимым убийцам в качестве выкупа за мир.

– Простите меня… Я не хотела… – Агата плакала навзрыд, размазывая по щекам слезы. Как она может сказать отцу, что его дочь мертва?! Как она будет жить после того, как нарушила обещание? Ее всхлипывания потихоньку затихали, уступая место страху. Она долго не шевелилась.

В конце концов Агата вышла из оцепенения и, ошеломленная тошнотворной догадкой, направилась на восток к дому Стефана. Каждый шаг от церкви давался ей с трудом. Карабкаясь вверх по улице, она почувствовала на ноге что-то липкое и мокрое. Не думая, она стерла с колена грязь и понюхала палец.

Медовый крем.

Агата замерла. Ее сердце стучало так, точно хотело вырваться из груди. На земле были еще следы крема, которые вели к озеру. Адреналин вскипел в ее крови.

Грызя ногти на ногах в своей палатке, Рэдли услышал

хруст за спиной и тут же повернулся, но успел увидеть только тень, которая, судя по всему, стащила его кинжал и факел заодно.

– Убийца! – завопил он…

Агата обернулась и увидела, как мужчины выбегают из палаток в поисках таинственного убийцы. А она шла по следам медового крема, словно по хлебным крошкам, и путь ее лежал к озеру. Агата неслась по следу, но крема на пути становилось все меньше и меньше, пока он не исчез вовсе. Остановившись, Агата поискала еще какие-нибудь знаки, а мужчины тем временем приближались, обходя озеро с восточной стороны. А еще три фигуры напротив озера шли на нее с запада. В свете факелов она различила силуэты трех бородачей в длинных плащах…

Старейшины.

Они убьют ее.

Агата растерялась, не зная, куда бежать. Пламя ее факела заметалось, и обе группы преследователей устремились на его огонь.

Софи, где же ты…

– Убейте его! – услышала она крик из толпы.

Агату скрутило от ужаса. Она узнала этот голос.

– Прикончить убийцу! – снова закричал мужчина, и толпа двинулась в ее сторону.

Агата, спотыкаясь, в панике бежала вперед, размахивая факелом среди ветвей. Вдруг около ее уха просвистел ка-

кой-то тяжелый предмет, а еще что-то пролетело, скользнув вдоль ребер…

Агата проследила за отблеском света на предмете и поднесла к нему свой факел.

На опушке, поблескивая змеиными чешуйками, лежал пустой мешочек из-под медового крема.

Что-то тяжелое и холодное ударило ей в спину. Агата упала на колени и увидела на земле зазубренный камень. Она обернулась: множество мужчин целились камнями в ее голову менее чем в пятидесяти шагах от нее. А с запада стремительно приближались Старейшины, которые вот-вот столкнутся с ней лицом к лицу…

Агата швырнула свой факел в озеро и погрузилась в кромешную тьму.

Сбитые с толку, преследователи размахивали огнями, ища убийцу. Они заметили тень, проскочившую мимо них в чащу леса. Как стая хищников, почувствовавших кровь, воинственная толпа кинулась следом. Один из загонщиков, тот, что громче всех кричал «Убейте!», отбился от стаи и схватил таинственного убийцу за шею… Тот медленно повернулся к нему…

Удивленный Стефан застыл на несколько секунд. Их хватило Агате, чтобы прошептать ему на ухо:

– Я обещаю!

Затем она выскользнула из его рук и провалилась во тьму. Словно последняя роза упала в могилу и была погребена под

черной землей.

4
Красные капюшоны

Агата слышала, как голоса стали стихать, свет факелов постепенно рассеялся. Она съежилась в темноте за влажным трухлявым пнем, спрятав свои дрожащие руки в складках черного платья.

Последние отдаленные окрики стихли. Агата не двигалась: в спине, в том месте, куда попал камень, пульсировала боль. Все это время она думала о том, как спасти свою лучшую подругу и вернуться в Гавальдон. Но что их здесь ждет? Кровожадные Старейшины? Новые атаки неизвестных убийц? Целый город, который желает избавиться от Софи?

Она подумала о невинной женщине, которую когда-то сожгли при всем честном народе прямо на площади. Ее желудок скрутило.

Как же мы вернемся домой?

Их будущее в Гавальдоне казалось таким же темным, как и лес, окружавший город. Чтобы вернуться, ей нужно было не просто спасти Софи. Она должна уничтожить убийц, кем бы они ни были, и прекратить их нападения раз и навсегда.

Но она не знала ни как это сделать, ни хотя бы с чего начать поиски подруги. Сотни лет жители городка носились по лесу в поисках похищенных детей и, пройдя его насквозь, оказывались ровно на том месте, с которого начали. Как и другие похищенные дети, они с Софи видели, что лежит за границей леса – опасный мир сказок, которому нет конца. Они были теми счастливчиками, которым удалось вер-

нуться, навсегда запечатав ворота между сказкой и реальностью… Так ей казалось. А на деле достаточно было одного желания – и ворота открылись вновь.

Где бы ни была Софи, она в огромной опасности.

Поднявшись с колен, Агата шагнула в лес, и под ее подошвами захрустели сухие листья. Она осторожно, на ощупь пробиралась вперед, натыкаясь на треснутую кору деревьев и покрытые паутиной ветки… Вдруг она ударилась головой о ствол дерева, и чья-то тень проскочила мимо, прыснув ей в лицо чем-то влажным. С шипением фантом растворился в темноте. На звук со всех сторон леса откликнулся рычащий и воющий хор, словно разбуженный враг призывал к оружию. Ошеломленная Агата стерла с лица что-то липкое и достала из кармана кинжал Рэдли. Что-то зашуршало около ее ног.

Сквозь сухую листву она разглядела два зрачка, зеленый и желтый, которые вспыхнули в подлеске сначала в одном месте, а потом сверкнули в совершенно другом. Агата съежилась у дерева, стараясь не моргать. Когда ее глаза привыкли к темноте, она смогла различить восемь гибких теней, поднимающихся с земли. Они окружали ее, как закручивающиеся кольца дыма.

Змеи!

Вот только они были толще обычных змей, черные как смоль, с плоскими головами и острыми как иглы шипами, торчащими по всей чешуе. Они поднимались все выше и выше вокруг Агаты, наклоняя к ней длинные распахнутые па-

сти и заглушая шипение друг друга…

Они атаковали все одновременно.

Плевки какой-то слизи пригвоздили Агату к дереву, и девочка выронила кинжал. Она попыталась вырваться, но кислая пленка попала ей в рот и в глаза, поэтому она могла разглядеть только кольцо размытых, покрытых шипами теней. Они обвили все ее тело, вонзив острые шипы в кожу. Пытаясь вырваться, Агата заметила еще одно существо, крупнее остальных, которое свесилось с ветки. Оно обвило петлей свой холодный, черный хвост вокруг ее шеи, и его шипы вонзились ей в горло. Девочка судорожно открыла рот, чтобы вдохнуть немного воздуха, а голова чудовища уже скользила по ее лицу. Прижав свой толстый нос к ее покрытым слизью щекам, оно уставилось на нее своими узкими кислотно-зелеными глазами и… сжало ее горло. Агата задохнулась и закрыла глаза.

Она не чувствовала боли, лишь душа ее быстро перебирала воспоминания, как цветные картинки…

Вот она сидит на берегу озера, положила голову на чьето плечо. Они сидят обнявшись, рука в руке, солнце впитывается в их кожу, даже дышат они в унисон. Агата заново переживала это беззвучное счастье, это «долго и счастливо» в единственной секунде… Вдруг острая, колющая боль наполнила ее тело, и девочка поняла, что конец близко. Отчанно вцепившись в чужую теплую руку, Агата вгляделась в отражение на озерной глади, надеясь перед смертью увидеть

лицо того, с кем ее сказка могла бы закончиться хорошо…

Это была не Софи.

И тут тьму пронзил свет. Змеи с визгом метнулись обратно под сухую листву.

Агата открыла глаза. Изумленная, она оглядывалась в поисках источника света. Через вуаль липкой слизи она наконец разглядела, что это был ее собственный палец, который разгорелся золотым огнем впервые с несостоявшейся свадьбы. Это одновременно и ободрило ее, и привело в уныние. Оба раза это случилось, когда она думала о нем.

«Магия следует за чувствами», – предупреждал Юба. Она явно перестала контролировать и первое, и второе.

И все-таки на этот раз ее палец не потух. Агата озадаченно подняла его и сконцентрировалась на том, что ей нужно оторваться от дерева. Сияние стало ярче, словно ожидало инструкций. Сердце Агаты застучало чаще. Она пересекла границу и попала в сказочный мир. Ее магия вернулась!

Корчащаяся от боли и прилипшая к дереву, Агата едва ли была в силах припомнить заклинания, которым ее учили в школе. Но, восстановив дыхание, девочка смогла произнести простое заклятие, растворяющее любую субстанцию, и сгустки слизи стекли вместе с кровью, оставив ее черное платье липким и влажным. И все-таки ей удалось выжить!

Агата подобрала кинжал Рэдли. Ее палец горел золотым пламенем, и она, держа его над собой как факел, пробиралась сквозь переплетения деревьев в поисках безопасного

пути. Девочка вспомнила уроки Юбы. Как и все преподаватели в школе Добра и Зла, старый гном использовал Синий лес в качестве тренировочной площадки. Предполагалось, что этот густой спокойный лес имитирует условия Бескрайних лесов и подготовит студентов к тому, с чем они могут там столкнуться. Агата проскользнула между прогнившими корнями дерева, стараясь не обращать внимания на саднившие порезы по всему телу. Теперь Синий лес казался просто шуткой школьного учителя.

Агата протиснулась между затянутыми паутиной кустами и поспешила к небольшому лазу в чаще, надеясь, что это верная дорога. Она боялась позвать Софи и тем самым дать знать убийцам, что она где-то рядом.

С каждым шагом Агата все сильнее чувствовала обреченность. Она уже дважды оказывалась в Бескрайних лесах, но на этот раз все было по-другому. Сейчас ей не помогут ни школа, ни Тедрос.

Ее палец ярко мигнул.

Тедрос из Камелота.

Наконец-то она произнесла это имя хотя бы про себя. Сейчас, бредя в одиночестве сквозь лесную чащу. Последний раз она видела принца во время своего поцелуя с Софи. Поцелуя, который должен был принадлежать ему. Когда Агата начала растворятся в воздухе, Тедрос потянулся к ней, изо всех сил крича «Стой!».

У нее был выбор – она могла взять его за руку. Могла стать

его принцессой. Она знала это и медлила, пока ее тело исчезало между мирами.

Но все-таки она выбрала Софи и исчезла вместе с ней.

Она была так уверена, что сделала правильный выбор! Что это единственный счастливый конец ее сказки. Но чем больше она пыталась забыть Тедроса, тем чаще принц появлялся в ее мыслях. Днем и ночью… Его грустные глаза… Его большие сильные руки, пытающиеся ее удержать, вернуть…

Пока однажды она не вернулась сама.

«Просто найди Софи», – сказала она себе, стиснув зубы и вспомнив обещание, данное Стефану. Нужно вернуть Софи домой живой и невредимой. Очаровательную, безумную, нелепую Софи. Она больше не будет сомневаться в том, что их сказка закончилась хорошо.

Пробираясь через кучи поваленных веток к просвету между деревьями, она подняла горящий палец и увидела, что впереди виднеется широкий поток какой-то тины и ржавчины, тянущийся с востока на запад насколько хватало ее взгляда. Девочка подняла камень и бросила его в странную жижу. Судя по звуку, до дна было далеко.

В ту же минуту Агата заметила два силуэта чуть ниже по берегу, пробующих наступить на красную субстанцию темными копытами – это были рогатый олень и его олениха. После непродолжительного прощупывания почвы они бок о бок скользнули в тину и поплыли к противоположному берегу. Встряхнувшись, Агата подобрала юбку и решила после-

довать за ними…

Вдруг кто-то схватил олениху, и Агата, споткнувшись, отскочила назад. Три длинные белые, усыпанные шипами крокодильи морды высунулись из тины. Тонкие и острые пасти с огромными круглыми ноздрями и черными хищными зубами вонзились в бедную олениху. Они потянули ее под воду, не обращая внимания на более крупного самца, который, визжа, рванулся к другому берегу, молотя копытами по тине.

Агата не решилась пересечь канал.

С застывшими на глазах слезами она, шатаясь, побрела обратно тем же путем, которым пришла. Где ее подруга? Что с ней сделали? Пытаясь сдержать рыдания, Агата вышла на опушку, не видя перед собой ничего. Кроме, пожалуй, слабых теней веток, похожих на кости… И рваных лоскутов темных облаков… И яркого сияния розового…

Она направила палец на розовую искорку, горящую в лесной чаще, точно маяк, предупреждающий об опасности. Любой другой мог по ошибке принять этот странный огонек за глаз животного. Но Агата знала, что это на самом деле.

Только одно существо на земле могло испускать такой яркий розовый свет.

Не обращая внимания на боль от свежих ссадин, Агата продиралась сквозь колючие заросли, преследуя розовое свечение, которое ослабевало, если девочка останавливалась. Когда ей удалось достаточно приблизиться, она заметила пятна крови на листьях, словно следы раненого зве-

ря. Она расшвыривала сваленные ветки, пробиралась сквозь заросли крапивы и выпутывалась из длинных гибких стеблей каких-то неизвестных растений, пока наконец не уловила легкий аромат лавандовых духов. Агата перепрыгнула через поваленное дерево, чувствуя, что сердце вот-вот вырвется наружу, и оказалась на небольшой поляне…

– Софи!

Подруга не ответила. Отвернувшись, она стояла на коленях за деревом, а ее руки были подняты и связаны над головой. Указательный палец ее правой руки еще несколько раз мигнул узнаваемым розовым светом и погас.

– Софи, – снова позвала Агата. Ее золотой палец похолодел.

Софи не двигалась.

Борясь с растущим внутри страхом, Агата добралась до дерева. Услышав неглубокое дыхание подруги, она медленно коснулась плеча Софи, выглядывающего из-под разорванного платья.

На плече была кровь.

Агата повернула подругу к себе. Руки Софи были привязаны к ветке лошадиной упряжью. На обеих ладонях были неглубокие следы от ножа, которым Старейшины пустили ей кровь и написали ею послание на груди Софи:

ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ

Лихорадочно орудуя кинжалом, Агата перерезала вожжи. Девочка тщетно пыталась вспомнить хоть какое-нибудь заклинание, способное смыть с подруги кровь и залечить раны. Она коснулась щеки Софи дрожащими пальцами.

– Мне так жаль… – всхипнула она, перерезая последние узы. – Но я верну нас домой… Я обещаю…

Как только Софи освободилась, она закрыла Агате рот своими холодными как лед руками. Агата проследила за ее дикими воспаленными глазами…

Впереди на деревьях висело что-то молочно-белое, покачиваясь в темноте. Агата направила туда свой светящийся палец. К стволам деревьев были прибиты куски пергамента, которые хрустели на ветру, словно сухие листья. Каждый сообщал об одном и том же:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ВЕДЬМА:

ЖИВАЯ ИЛИ МЕРТВАЯ

ПО ПРИКАЗУ
ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ

Вознаграждение

С плакатов смотрело лицо Софи.

– Это невозможно! – воскликнула Агата. – Он же мертв!

Она замерла.

Между деревьями мелькали красные всполохи. Они становились все ближе и ближе.

Агата схватила Софи за руку и потащила ее за ствол дерева. Прикрыв рот Софи своей ладонью, чтобы заглушить ее стоны, Агата осторожно выглянула.

Сквозь переплетение веток она разглядела людей в красных капюшонах. У них были стрелы, подожженные с одного конца, свет которых освещал их кожаную форму без рукавов и выглядывающие из-под нее мускулистые руки. Она попыталась сосчитать, сколько же их там было – 10, 15, 20, 25… пока не встретилась взглядом с фиолетовыми глазами одного из них. Оскалившись, он поднял свой лук…

– Пригнись! – взвизгнула Агата.

Первая стрела просвистела над головой Софи, когда обе девочки как раз успели упасть ничком в грязь. Пока они испуганно барахтались в зарослях колючего кустарника, дюжина горящих стрел пронеслась мимо и подожгла деревья рядом. Рука в руке, девочки бросились глубже в лес в поисках укрытия, а красные капюшоны гнались за ними что есть мочи. Подруги добежали до просвета среди деревьев и обнаружили лесную тропу, спокойную и безмятежную в лунном свете. Обезумев от радости, в надежде на спасение, девочки

метнулись в сторону тропы, но вскоре остановились.

Тропа раздваивалась. Обе дорожки были темные, узкие и разбегались в противоположных направлениях. Ни одна из них не казалась надежнее другой. Однако девочки кое-что знали о сказках.

Только один путь был верным.

– Куда идти? – сипло спросила Софи.

Агата видела, как слаба и истерзана ее подруга. Она обязана доставить ее в безопасное место. Снова заслышав свист летящих стрел, Агата судорожно переводила взгляд с одной дорожки на другую. Деревья вспыхивали все ближе…

– Агата, какая из них? – повторила Софи.

Глаза Агаты метались в поисках знака…

– Смотри! – удивленно воскликнула Софи.

Агата развернулась к правой дорожке. Светящаяся синяя бабочка выпорхнула из темноты высоко над тропой, забила крылышками и унеслась вперед, словно призывая их следовать за собой.

– Давай же! – Софи, в голосе которой вдруг появилась уверенность, метнулась направо.

– Мы пойдем за бабочкой?! – возмутилась Агата, догоняя Софи и оставляя позади деревья с объявлениями «Разыскивается ведьма».

– Не беспокойся. Она выведет нас отсюда!

– Откуда ты знаешь?

– Быстрее! Иначе мы ее потеряем!

– Ты не понимаешь, через что мне пришлось пройти… – тяжело дыша, сказала Агата.

– Давай не будем сейчас играть в игру, кому было тяжелее, хорошо?

Бабочка полетела быстрее, словно до пункта назначения оставалось совсем чуть-чуть. Вдруг она резко свернула, ее крылышки блеснули и пропали за поворотом тропинки.

Софи схватила Агату за руку и потащила за поворот…

…чтобы уткнуться в тупик из поваленных деревьев.

Бабочка исчезла.

– Нет! – завизжала Софи. – Я же думала… Я думала…

– …что это была *особенная* бабочка?

Софи покачала головой и закатила глаза, показывая подруге, что та ничегошеньки не смыслит в волшебных знаках, и вдруг через плечо Агаты увидела освещенную факелом фигуру. Совсем близко. Затем еще две…

Капюшоны их догнали.

– У нас было наше «долго и счастливо»… – Софи прижалась спиной к стволу дерева, – это все моя вина…

– Нет… – пробормотала Агата, опуская глаза, – это я виновата.

Сердце Софи сжалось. Ее кольнуло то же чувство, которое появилось у нее в церкви, когда она осталась одна и размышляла о том, как изменилась подруга. Чувство, которое подсказывало, что события последнего месяца не были случайностью.

– Агата… Почему это происходит?

Агата смотрела, как тени вырастают из-за поворота. В ее глазах стояли слезы.

– Софи… Я… Я… Я… совершила… ошибку.

– Агги, не валяй дурака!

Агата не могла смотреть на нее.

– Я опять открыла ее… Я начала нашу сказку…

– Я не понимаю…

– Ж-ж-желание! – Агата заикалась и краснела. – Я загадала желание…

Софи тряхнула головой:

– Желание?

– Я не хотела… Все случилось слишком быстро…

– Что ты загадала?

Агата тяжело вздохнула и посмотрела в испуганные глаза подруги:

– Софи, я пожелала остаться…

– Ваши билеты, – сурово потребовал голос.

Обе девочки оглянулись на тощую гусеницу, которая указывала на дупло. Насекомое было в бархатном фиолетовом смокинге, на голове красовался цилиндр, а усы были лихо подкручены.

– Спасибо, что воспользовались услугами цветочного метро. Здесь запрещено плеваться, чихать, петь, сморкаться, раскачиваться, ругаться, драться, спать, сорить и писать. Нарушение правил повлечет изъятие одежды. Билеты?

Софи и Агата изумленно взглянули друг на друга. Ни одна из них не представляла, как попасть в цветочное метро.

– Послушайте, мистер, – начала Агата, оглядываясь на тени, приближающиеся к повороту, – нам очень нужно попасть туда, но у нас нет…

– Предоставь это мне, – шепнула Софи и стремительно повернулась к гусенице: – Такое удовольствие видеть вас вновь, кондуктор! Помните меня? Мы встречались, когда вы любезно сопровождали наш класс в сад Добра и Зла. Боже, какие чудесные у вас усы! Я просто обожаю правильно закрученные усы…

– Нет билетов – нет поездки, – проворчала гусеница, отодвигаясь.

– Но они же убьют нас! – крикнула Агата, завидев красные капюшоны, которые уже вынырнули из-за поворота.

– Особые обстоятельства должны быть задокументированы по форме № 77 и в письменном виде представлены в канцелярию цветочного метро, открытую каждый второй понедельник с 15.00 до 15.30…

Агата схватила гусеницу и стащила с дерева:

– Пусти нас или я тебя съем!

Кондуктор, крепко сжатый Агатой, побледнел, но не сдался.

– Никогдашники! – вскричал он.

Из дупла вытянулись несколько длинных лоз и, обвив девочек, втащили их внутрь как раз в тот миг, когда стрелы

красных капюшонов вонзились в дерево и оно вспыхнуло.

Девочки полетели в яму, а вокруг бешено кружились нежные лепестки всевозможных цветов. Лозы бросили их над захлопнувшейся пастью венериной мухоловки, в обжигающе горячий туман. Зажмурившись, девочки почувствовали, как лозы обвивают их и к чему-то подвешивают, точно марионеток. Когда они осторожно открыли глаза, то обнаружили себя болтающимися над светящимся стволом дерева, на котором было выведено:

ЛИНИЯ ПИОНОВ

– Бабочка каким-то образом пропустила нас в метро! – закричала Софи, плотно обвитая зеленым ремнем безопасности. Девочки неслись вперед. – Видишь, она действительно хотела помочь нам!

Когда они проскочили туман, Агата впервые смогла рассмотреть цветочное метро – и от восхищения потеряла дар речи. Прямо перед ней раскинулась впечатляющая подземная транспортная система размером с добрую половину Гавальдона, причем сделанная из растений. Внутри бездонной пещеры извивались огромные стволы деревьев, обозначенные разными цветами, – они пересекались, будто настоящие железнодорожные линии. Каждый ствол перевозил висящих

на нем пассажиров, крепко зафиксированных лозой, по всем Бескрайним лесам. Кондуктор тем временем взгромоздился в прозрачную кабинку на зеленом стволе линии Пионов и сварливо объявлял пролетающие остановки в ивовый микрофон:

– Девичья долина! Башни Авалона! Раньон Лейн! Джиннимиль!

Как только пассажир слышал название своей остановки, он тянул за опутывающие его лозы. Они отвязывали пассажира от ствола и бережно переносили его за руку вверх, к одной из многочисленных ветряных мельниц, которые лопастями взбивали воздух и поднимали желающих на поверхность.

Агата заметила, что по их зеленой линии ехали только женщины, щебечущие друг с другом; одни были хорошо одеты, веселы и миловидны, а другие смахивали на ведьм и были крайне неприятны на вид (если, конечно, вы всегдашник). А вот по красной линии (она называлась «линия Розалинда»), бегущей перпендикулярно зеленой, ехала только пара мрачных, неопрятно выглядящих мужчин. Под этими двумя линиями проходила желтая, линия Георгин, на которой также беззаботно болтали весьма привлекательные женщины, едущие рука об руку с нечесаными дурнушками. Эта линия пересекала розовую, линию Сирени, на которой ехали только три потрепанных грязных гнома мужского пола. Агата не могла вспомнить, говорил ли кондуктор о том, что муж-

чины в метро должны ездить отдельно от женщин, но, если честно, она не могла вспомнить и половины его глупых правил.

Ее отвлекли от размышлений два ярких длиннохвостых попугая цветов тропического леса. Они порхали, предлагая пассажирам стаканы огуречно-сельдереевого сока и фисташковые маффины. Сверху, на светящемся стволе, оркестр официально одетых ящериц под аккомпанемент хора зеленых лягушек играл на скрипках и флейтах барочный вальс. Впервые за несколько недель Агата смогла улыбнуться. Она в один присест проглотила сладкий ореховый маффин и тут же запила его терпким зеленым соком.

Софи, пристегнутая рядом, фыркнула и ткнула пальцем свой маффин.

– Ты собираешься это есть? – спросила Агата.

Софи протянула маффин подруге, бормоча что-то о сливочном масле и проделках дьявола.

– Добраться до дома легче легкого, – сказала она, наблюдая, как Агата поглощает маффин. – Нужно только пересесть в поезд на линию, идущую в обратном направлении…

Агата перестала жевать. Софи опустила глаза туда, куда уставилась ее подруга, – на свои израненные ладони… На свежие следы пут Старейшин, оставшиеся вокруг ее запястий… На алые буквы у нее на груди…

– Мы не можем вернуться домой, да? – вздохнула Софи.

– Даже если мы докажем, что Старейшины солгали, то Ди-

ректор школы все равно будет преследовать тебя, – печально подтвердила Агата.

– Он не может быть жив! Мы видели, как он умер, Агги, – Софи взглянула на свою подругу. – Разве не так?

У Агаты не было ответа.

– Как же мы смогли его упустить? – растерянно спросила Софи. – Как же мы смогли упустить свое «долго и счастливо»?

Агата поняла, что пришло время закончить разговор, который она начала на поляне. Но глядя в большие глаза Софи, она не смела разбить ей сердце. Нужно как-то все исправить, не дав Софи и намека на то, чего пожелала Агата. Ее желание было ошибкой. Ошибкой, которую она никогда не должна повторить.

– Должен быть способ вернуть нашей сказке счастливый конец, – уверенно сказала Агата. – Нам нужно просто запечатать ворота…

Но Софи, задрав голову, уставилась на что-то позади нее. Агата обернулась.

Цветочное метро за их спинами опустело. Все пассажиры исчезли.

– Агги, – сипло выдавила Софи, вглядываясь в далекий туман.

Теперь Агата их тоже увидела. Красные капюшоны раскачивались над путями на длинных лозах, прыжками приближаясь к их поезду.

Девочки начали рвать свои ремни, но лозы только сжали их крепче. Агата попыталась заставить свой палец светиться, но он не зажигался…

– Агги, они приближаются! – крикнула Софи, заметив, как один из капюшонов прыгнул на соседнюю красную линию двумя путями выше.

– Потяни свою лозу! – крикнула Агата, вспомнив, как другие пассажиры заканчивали поездку. Но как бы сильно она или Софи ни тянули лозы, зеленый ствол уносил их все дальше и дальше.

Агата нащупала кинжал Рэдли и начала перерезать свои путы, не сводя глаз с приближающихся красных капюшонов.

– Оставайся на месте! – крикнула она Софи, прикидывая расстояние до лоз, связывающих ее подругу. Повиснув на своих ремнях, Агата вздрогнула, услышав, как щелкнула пастью гигантская мухоловка, выглянувшая снизу из бездонной ямы с цветами. С боевым кличем девочка раскачалась, оттолкнулась и прыгнула к подруге, пытаясь оседлать дикий ветер в тоннеле…

Агата промахнулась мимо ремней и налетела прямо на Софи, обхватив ее руками и ногами.

Зеленый ствол дерева поменял свой цвет на ярко-оранжевый и начал мигать.

– НАРУШЕНИЕ, – прогудел возмущенный голос в микрофон. – РАСКАЧИВАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. НАРУШЕНИЕ. РАСКАЧИВАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. НАРУШЕНИЕ…

В вагон тотчас влетела стая зеленых попугаев и начала клевать платье Агаты, пытаясь стащить его. Она уронила кинжал:

– Что за…

– Отстаньте от нее! – пронзительно завизжала Софи и замахала руками, отгоняя птиц.

– НАРУШЕНИЕ, – ревел грубый голос. – ДРАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. НАРУШЕНИЕ. ДРАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО…

По зеленым лозам вниз скользнули ящерицы и лягушки и стали рвать платье Софи. Ошалевшая девочка молотила руками, отправляя ящериц и цветы в свободный полет. Агата надышалась пыльцы и чихнула.

– НАРУШЕНИЕ. ЧИХАТЬ ЗАПРЕЩЕНО. НАРУШЕНИЕ…

Птицы, ящерицы и лягушки сбежались со всех линий, чтобы в наказание раздеть девочек…

– Сматываемся! – крикнула Агата.

– Я знаю! У меня еле-еле нитки держатся, – визжала Софи, отшвыривая от себя лягушку.

– Да нет же! Нужно сматываться прямо сейчас!

Агата кивнула на красные капюшоны, раскачивавшиеся в сторону их линии…

– За мной! – крикнула она Софи и, стряхнув с себя груду разноцветных ящериц, качнулась к следующему креплению. Она оглянулась на подругу, которая сцепилась с канарейкой, атакующей ее воротник.

– Кыш! Это ручная работа! – вопила Софи.

– Немедленно! – взревела Агата…

Софи выдохнула и, оттолкнувшись, перелетела на соседнюю лозу, но промахнулась и, крича, полетела прямо на скрежещущую пасть венериной мухоловки. Агата побледнела от ужаса…

Софи плюхнулась лицом вниз на синюю линию Гибискуса, которая неслась на огромной скорости чуть ниже. Ее руки и ноги обвились вокруг светящегося ствола, и она задрала голову, чтобы взглянуть на Агату, которая выдохнула с облегчением.

– Агги, берегись! – крикнула Софи.

Агата развернулась на своей лозе к одному из капюшонов. Он схватил ее за горло.

Слыша прямо над собой булькающие звуки, вырывающиеся из горла задыхающейся подруги, Софи попыталась встать на свой ствол, но вдруг заметила над головой приближающийся шипастый тоннель. И вовремя – он чуть было не снес ей голову. Софи распласталась на стволе и со свистом промчалась сквозь тоннель. Неожиданно она почувствовала легкое колебание воздуха и медленно повернула голову. Над путями порхала сияющая синяя бабочка.

– Помоги нам! – взмолилась Софи.

Бабочка сильнее замахала крыльями и понеслась вперед. Софи поспешно сползла со ствола и последовала за ней, перескакивая с лианы на лиану. Обезумев от ужаса, Софи пы-

талась поспеть за бабочкой, как вдруг два красных капюшона спрыгнули прямо перед ней, держа луки и стрелы на изготовку. Как они и рассчитывали, она в страхе обернулась и увидела, что один из банды уже почти свернул Агате шею…

Бабочка спикировала на Софи и с неожиданной силой дернула лозу, на которой та висела. Лоза тотчас обвила запястье девочки, подняла ее над синей линией и на пути вверх сумела заарканить руку Агаты. Капюшоны изумленно оглядывались, метая в девочек ножи и стреляя из луков, но лоза, извиваясь, отбивала любое оружие, пока не доставила девочек высоко к ветряным мельницам. Порыв воздуха всосал их внутрь портала и, кружа в буре лепестков, поднимал все выше, выше и выше…

…пока не выбросил их прямо на цветущее поле.

Стоя на коленях среди высоких красных и желтых лилий, Агата и Софи с облегчением выдохнули. Их лица были расцарапаны, в волосах застряли лепестки, а остатки платьев держались на них только чудом. Обе посмотрели вниз на прикрытую землей дыру, из которой они только что выпрыгнули. Дыра дымилась – кажется, стрелы подожгли лопасти мельницы.

– Где мы? – спросила Софи, ища глазами бабочку.

Агата помотала головой:

– Я не…

Вдруг она заметила, что красная и желтая лилии перешептываются, странно на нее поглядывая.

Однажды она уже видела, как цветы ее обсуждают. На таком же поле. Как раз перед тем, как прилетели феи…

Агата пошатнулась.

Над берегом Озера-на-Полпути парила школа Добра, искрящаяся в лучах красно-оранжевого рассвета. Четыре хрустальные башни, бывшие когда-то двумя розовыми и двумя синими, теперь почему-то все были синими. Над остроконечными шпилями держали флаги стайки лазоревых бабочек.

– Мы вернулись! – задохнулась Софи.

Агата стала белее снега.

Вернулись в место, которое она пыталась забыть, место, где все может пойти не так!

Перед ними сияли закрытые двери замка Добра. Золотые шипастые ворота преграждали путь с Большой Лужайки, зеркальными буквами над ними было выведено:

ШКОЛА ДЛЯ ДЕВОЧЕК
ОБУЧЕНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Агата закрыла и снова открыла затуманенные глаза, уверенная, что ошиблась.

Но там все-таки было написано «для девочек».

– Что? – Софи стояла рядом с ней. – Это странно!

– Ну, слова «добро» и «девочка» начинаются с одной и той же буквы, – сказала Агата, – может, одна из нимф перепутала?

Однако затем она заметила, куда смотрит Софи. Ближе к середине вода в Озере-на-Полпути мутнела, постепенно превращаясь в грязную жижу. Вот только теперь жижа не была черной. Она стала ржаво-красной, как тот канал, который Агата обнаружила в лесу. Берег Зла охраняли точно такие же белые крокодилы, как те, что сожрали олениху. Их было минимум два десятка. Они шныряли в грязи, сверкая острыми черными зубами.

Агата медленно перевела взгляд на школу Зла, возвышающуюся на противоположном берегу озера. Три кроваво-красные башни с острыми зубцами выстроились вокруг гладкой серебряной, которая была в два раза выше остальных. На шпилях всех четырех башен реяли черные флаги с алыми змеями на эмблеме.

– Было же три башни Зла, – сказала Софи, прищурившись, – а не четыре…

На том берегу послышались голоса, и девочки поспешили спрятаться в лилиях.

Из леса через ворота замка Зла вбежала толпа разъяренных мальчишек.

На головах у них были красные кожаные капюшоны.

– Это же люди Директора школы! – воскликнула Софи, как только они исчезли в тумане.

Агата побелела:

– Но это значит…

Она повернулась к озеру.

– Она… пропала, – прошептала Агата, имея в виду доходящую до небес серебряную башню Директора школы, когда-то стоящую в самом центре Озера-на-Полпути. – Она просто… исчезла.

– Вовсе нет, – возразила Софи, все еще рассматривая школу Зла.

Теперь и Агата увидела, почему в замке Зла стало четыре башни вместо трех. Туда переместилась башня Директора школы.

– Он жив! – воскликнула Агата, не сводя глаз с серебряного шпиля. – Но как…

Софи показала пальцем:

– Смотри!

Из единственного окна башни, словно нарочно прикрытого вуалью тумана, на них смотрела неясная тень. Подруги могли разглядеть лишь серебряную маску, скрывающую лицо.

– Это он! – прошипела Софи. – Он правит Злом!

– Агата! Софи!

Девочки обернулись и увидели профессора Доуви, спешащую к ним из замка Добра. Она была в своем привычном зеленом платье с высоким воротом.

– Быстрее! Идите сюда!

Когда девочки вбежали вслед за ней через золотые ворота Добра, Агата бросила взгляд на башню Директора школы и тень, маячившую в окне. Она должна будет это сделать – убить его снова, и ее ошибка окажется погребена вместе с ним. Они с Софи вернутся домой, она сдержит обещание, данное Стефану, а подруга так никогда и не узнает, каким было желание Агаты. Глядя вверх на тень, командующую Злом, Агата ждала, что ее сердце наполнится ненавистью, готовя ее к грядущей битве… но ее сердце было занято чем-то другим.

Оно трепетало, как обычно трепещет сердце сказочной принцессы…

…когда принцесса встречает своего принца.

5
Другая школа

Пока они с Софи неслись за профессором Доуви по зеркальному коридору, Агата пыталась взять себя в руки. Профессор Доуви была замечательной сказочной феей-крестной, которая всегда приглядывала за ней. Она просто обязана ответить на их вопросы.

– Что это за красные капюшоны? – спросила Агата.

– Как Директору школы удалось выжить? – спросила Софи.

– Почему никогдашники на его стороне? – спросила Агата.

– Тише! – воскликнула профессор Доуви, стирая их следы взмахом волшебной палочки. – У нас нет на это времени!

– Вы совсем не удивились, увидев нас, – прошептала Агата, но фея-крестная не ответила, вталкивая их в пустой зал Добра и закрывая за ними все двери с помощью заклятия.

Несколько месяцев назад Софи разнесла этот зал по кирпичику, когда ее ведьмовская месть обрушилась на Агату и Тедроса. Витражные окна, винтовые лестницы и мраморные полы она превратила в обугленные черепки.

Однако подруги переводили дыхание – и рассматривали полностью отреставрированный зал. Там, где раньше были две розовые и две синие винтовые лестницы, сейчас поднимались вверх только синие, такого же благородного цвета, что и сама башня. Освещенные высокими витражными окнами, лестницы, ведущие в общие спальни, были украшены величественными надписями: «Честь», «Смелость», «Безупречность» и «Милосердие».

Агате всегда был омерзителен жеманный розовый цвет (цвет принцесс), которым раньше были выкрашены башни Безупречности и Милосердия, но теперь, когда они стали синего цвета (цвет принцев), они вызывали у нее смутное беспокойство.

Софи ткнула Агату локтем, и та повернулась, застав подругу глазеющей на обелиск Легенд в центре зала. Он представлял собой величественную хрустальную колонну, увешанную рамками. В каждой рамке был портрет ученика, а рядом красовалась картинка из книжки сказок, иллюстрирующая, кем этот ученик стал после окончания школы. Девочки смотрели на висящих на самом верху всегдашников в золотых рамках, ставших принцессами и королевами, на учениц в серебряных рамках, ставших помощницами или фрей-

линами и занявших почетное место в центре обелиска, на тех, кто смог стать лишь служками настоящих героев и поэтому висел в самом низу. Вдруг Софи и Агата заметили кое-что необычное…

– А где мальчики? – спросила Софи, обнаружив, что все их портреты сняты с обелиска.

Агата повернула голову в сторону лестницы Чести: на фризе с рыцарями и королями теперь красовалась принцесса в кольчуге, размахивающая мечом. Софи обернулась на лестницу Смелости, когда-то декорированную изображениями крепких охотников и их верных гончих. Сейчас на их месте была охотница, причем, казалось, даже ее собаки были женского пола. Подруги вертели головами, оглядывая надписи на стенах, которые раньше гласили «ВСЕГДА», а теперь… Теперь там было написано «ДЕВОЧКА».

– Так это действительно школа для девочек? – спросила ошарашенная Агата. – А что случилось со школой Добра?

– Мы не можем сражаться с Директором без мальчиков! – воскликнула Софи.

– Ш-ш-ш-ш! – профессор Доуви прижала палец к губам и помчалась вверх по лестнице Смелости. – Никто не должен знать, что вы здесь!

Девочки поспешили за аккуратным пучком серебряных волос, украшающим голову Доуви, попутно разглядывая фрески в синих коридорах башни Смелости. Если раньше там главенствовал мужской взгляд на сказки и принцы ис-

требляли демонов, заодно спасая беспомощных принцесс, то сейчас сюжеты изменились: Белоснежка разбивала хрустальный гроб собственным кулаком, Красная Шапочка перерезала горло волку, Спящая красавица сжигала свое веретено… Храбрые мужчины, принцы, охотники, которые освобождали принцесс, которые спасали им жизни… просто исчезли.

– Как будто мальчиков-всегдашников никогда не существовало! – прошептала Агата.

– Может, Директор школы убил их всех? – вторила ей Софи.

Вдруг она почувствовала мягкое дрожание воздуха и обернулась. Со стены на них глядела их старая знакомая – синяя бабочка. Заметив, что на нее смотрят, бабочка судорожно плеснула крылышками и исчезла.

– Что это было? – спросила Агата, оглядываясь.

– Быстрее! – сварливо подгоняла профессор Доуви, и девочкам ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Они резво миновали прачечную, где пара двухметровых, парящих в мыльных пузырях нимф стирала синие корсажи; пробежали сквозь обеденный зал, где зачарованные горшки варили шафрановый рис и чечевичный суп; оставили позади гостиную башни Смелости и направились к запасной лестнице. Уставшие и изнемогающие от ран, оставшихся от их приключений в лесу, Софи и Агата с трудом поспевали за профессором, которая оказалась намного выносливее, чем выглядела.

– Куда мы направляемся? – пропыхтела Агата.

– К единственному человеку, который поможет вам выжить, – бросила в ответ фея-крестная, взлетая по ступенькам.

Софи и Агата тотчас припустили быстрее и через пять долгих лестничных пролетов оказались у одинокой белой двери на шестом этаже…

– Кабинет профессора Садера? – спросила Агата, тяжело дыша. – Но он же умер!

Вместо ответа профессор Доуви пробежалась пальцами по выпирающим синим точкам на двери комнаты, когда-то принадлежавшей учителю истории. Дверь беззвучно отворилась, и девочек быстро впихнули внутрь.

У окна стояла худощавая женщина, ее длинная черная коса вилась по пурпурному платью с острыми плечами.

– Вас кто-нибудь видел?

– Нет, – ответила профессор Доуви.

Леди Лессо повернулась к Софи с Агатой, сверкнув фиолетовыми глазами:

– Тогда им пора узнать, что они натворили.

– Это сделали мы?! – вырвалось у Агаты.

– Но нас тут даже не было! – возмутилась Софи, переводя взгляд с декана школы Зла, стоящей у окна, на декана школы Добра, оставшуюся за старым, утопающим в открытых книгах столом профессора Садера. Впрочем, кажется, оба дека-

на уже успели стать бывшими.

Леди Лессо сердито смотрела на их грязные лица:

– В этом мире все имеет свои последствия. Даже концы сказок.

– Но наша сказка кончилась хорошо! – запротестовала Софи.

Профессор Доуви не смогла сдержать стон.

– Почему бы тебе не рассказать нам, как она закончилась? – усмехнулась леди Лессо, неприятно кривя губы.

– Мы разгадали загадку и победили Директора школы! – сказала Софи. – И он умер!

– А мы с Софи смогли отправиться домой, – подтвердила Агата.

– Кларисса, покажи им, как на самом деле закончилась эта сказка, – прорычала леди Лессо.

Профессор Доуви взяла со стола книгу и протянула ее девочкам. Это была тяжелая, толстая книга, обтянутая коричневой овечьей кожей, кое-где на переплете виднелись пятна грязи. Агата открыла первую влажную страницу. Хотя черные каллиграфические буквы были немного размыты, на листе пергамента можно было различить:

Сказка о Софи и Агате

Софи перелистнула страницу, и перед ней предстало яркое цветное изображение – они с Агатой, замершие перед Директором школы.

> Давным-давно, – было написано ниже, – жили-были две девочки.

Агата вспомнила эту строчку. Сториан написал ее в начале их сказки, когда они вломились в башню Директора школы. Листая страницы книги, Агата видела, как разворачивается их отменно проиллюстрированная история: Софи пытается получить поцелуй Тедроса… Агата спасает жизнь Тедросу во время Испытания Сказкой… Агата и Тедрос влюбляются друг в друга… Софи превращается в мстительную ведьму… Директор школы пронзает сердце Софи острым, как кинжал, Сторианом… Агата оживляет подругу поцелуем любви… Осталась последняя страница. И картинка, на которой Тедрос отчаянно пытается дотянуться до Агаты, исчезающей вместе с Софи. Всего два слова подводили итог их истории:

Девочки исчезли.

Агата почувствовала, как при воспоминании о тех событиях на ее глазах закипают слезы. Они с Софи столько пережили вместе!

– Это идеальная сказка, – кивнула Софи и, встретившись взглядом с Агатой, улыбнулась.

Они довольно повернулись к учителям, которые выглядели ужасно мрачными.

– Это еще не конец, – сухо сказала леди Лессо.

Девочки озадаченно посмотрели на книгу. Их грязные пальцы перевернули последнюю страницу, и они увидели, что нарисовано на обороте.

Там был Тедрос, изображенный спиной к читателю, который один-одинешенек входил в темный туман.

Софи и Агата жили долго и счастливо во славу всех девочек, которым больше не нужны были принцы, чтобы в них влюбляться…

Нет, им вообще больше не нужны были принцы.

Ни для чего.

– Вот эта книга, например, из Девичьей долины. Но, честно говоря, вы везде сможете ее найти. Даже в Нижнем лесу это самая популярная история.

Софи и Агата недоуменно подняли головы на профессора Доуви, нахмурившуюся за заваленным столом.

– Это единственная история, которую хотят читать.

Теперь девочки заметили, что книги валялись на столе не просто так. Каждая была открыта на последней странице. Некоторые рисунки были сделаны маслом, некоторые – акварелью, какие-то – углем и чернилами; одни языки девочки знали, а другие казались им тарабарщиной. Однако какой бы ни была версия «Сказки о Софи и Агате», заканчивалась она всегда одинаково: одиноким, ненужным Тедросом, исчезающим во тьме.

– Боги, и весь этот бред из-за того, что мы популярны? – спросила Софи. – Чему тут удивляться? Белоснежка и Золушка очень милы. Но кому они нужны, если читатели могут

получить *меня*?

Она повернулась за поддержкой к Агате, но подруга молча смотрела в окно.

– Агги?

Агата не ответила. Она медленно подошла к окну, и леди Лессо, не говоря ни слова, посторонилась. Профессор Доуви за столом Садера затаила дыхание.

Агата выглянула в окно и с высоты оглядела Синий лес и зачарованную площадку для тренировок Добра и Зла, вытянувшиеся за школой разноцветными яркими пятнами. Все было таким же, как обычно – тихим, цветущим, несмотря на осеннюю прохладу, бережно огороженным золотыми воротами с острыми шипами.

Какие-то звуки доносились с другой стороны ворот.

Сначала ей показалось, что там, в Бескрайних лесах, под голыми скрюченными деревьями лежат рыже-коричневые кучи листьев. Затем она пригляделась и поняла, что это не кучи. Это были юноши.

Тысячи мальчиков толпились за воротами в Синий лес в грязном, мерзком лагере. Они так же, как несчастные жители Гавальдона, жались вокруг костров. Агата не могла видеть их лиц, но сумела заметить неопрятные бороды и ввалившиеся щеки, тощие ноги и пятна на одежде и коже, порванные плащи и болтающиеся от голода пояса…

Но что это у них на головах?

Это были не деревенские жители. Это были…

– Принцы, – изумленно выдохнула Софи, которая смотрела на лес из-за ее плеча.

– Это она! – раздался крик из толпы. Все головы повернулись в сторону башенного окна, у которого они стояли.

– Ведьма! Там ведьма!

Все как один, разъяренной толпой, принцы кинулись на ворота…

– Смерть Софи!

– Убить ее!

– Убить ведьму!

Юноши пустили в ход стрелы и камни, обстреливая башню, однако любые снаряды со звяканьем растворялись, столкнувшись с невидимым магическим барьером, закрывающим территорию школы. Толпа рычала и щерилась пиками со знакомыми плакатами «Разыскивается» на острие, которые девочки видели в лесу. Один из принцев, что похрабрее, прыгнул на зубчатые ворота. Золотая ограда зашипела, и бедняга упал прямо на острые колья, выдвинувшиеся снизу. Софи с отвращением отвернулась…

– Как такие могут быть принцами?! – воскликнула девочка.

– *Как такие могут быть принцами,* – передразнила ее леди Лессо. – Эти принцы стали такими из-за тебя.

Агата и Софи переглянулись.

– Мы не понимаем… – пролепетала Агата.

Профессор Доуви скрипнула зубами. Единственный раз,

когда Агата видела фею-крестную в такой ярости, был на первом году обучения: тогда девочка ослушалась учителя и чуть не спалила замок дотла.

– Подумай, Агата! Давным-давно ты верила, что ты злая ведьма. Но тебе было предначертано стать принцессой. Обрести счастливый конец с самым желанным в нашей стране принцем. Это стало бы правильным завершением твоей сказки! И великой победой Добра! Возрождением всех ценностей, которые мы потеряли! Ты должна была победить Директора школы, отправить свою злую подругу домой целой и невредимой и навсегда остаться здесь с Тедросом как его будущая королева. Тебе нужно было просто взять его за руку до того, как вы исчезли. Это была бы *правильная* сказка. Но вместо этого… – Она метнула на Софи испепеляющий взгляд: – Ты выбрала ее.

– Миленько, – сквозь зубы процедила Софи и тут же продолжила: – Если бы вы хоть немного знали Агату, вы бы поняли, что она никогда не бросит меня ради мальчика.

Она повернулась к подруге, уверенная, что Агата встанет на ее сторону. Но Агата вновь промолчала. Она лишь тяжело дышала, уставясь на свои грязные башмаки.

– Что случилось после того, как мы ушли? – наконец спросила Агата.

– Изгнание.

Девочки повернулись к леди Лессо, которая с содроганием вспоминала:

– После того как вы поцеловались, ученики вернулись в свои школы, но башни Зла вытолкнули из себя всех девочек-никогдашниц. Шестьдесят девочек просто вышвырнули за окно: они пролетели мимо лестниц, кабинетов, кроватей, туалетов, комнат отдыха… И были выброшены на берег. Девочки пытались вернуться обратно, но ворота башни Зла не открывались ни в какую. Никогдашницы попросили убежища в замке Добра, и воодушевленные окончанием вашей сказки всегдашницы их приютили.

– Как только в школу прибыли никогдашницы, башни замка Добра тут же изгнали мальчиков-всегдашников, – продолжила профессор Доуви. – А едва мальчики исчезли, замок волшебным образом превратился в то, что вы сейчас видите – портреты убраны, фрески перерисованы, фризы поменяли сюжеты, руководствуясь вашей сказкой. Школа Добра стала школой для девочек.

И будто подтверждая эти слова, на ее и леди Лессо одежде вместо серебряных лебедей сверкнули синие бабочки. Агата в замешательстве тряхнула головой.

– Но там же не просто мальчики из всегдашников! – она указала на окно. – Там и взрослые принцы!

– То, что произошло здесь, повторилось по всем Бескрайним лесам, – серьезно сказала профессор Доуви. – Ваша история распространялась, как чума. Принцессы заражались идеей о мире без принцев, и принцы как по волшебству выдворялись из своих замков и становились бездомными. Они

обратились к ведьмам, чтобы те помогли им разрушить проклятие, но ведьмы тоже прочитали *«Сказку о Софи и Агате»*. Воодушевленные силой вашей дружбы, ведьмы присоединились к принцессам и взяли в свои руки контроль над сказочными королевствами.

– Ведьмы и принцессы теперь дружат? – Софи не верила своим ушам.

– Никто и представить не мог, что такое возможно, пока не была написана ваша сказка, – вздохнула профессор Доуви. – Добро и Зло больше не сражаются друг с другом. Теперь врагами стали мужчины и женщины.

Агата вспомнила пассажиров в цветочном метро – симпатичные женщины мило болтали со странными и чудаковатыми особами… И парочка одиноких, весьма потрепанных мужчин, ехавших обособленно…

– Но мы не хотим, чтобы принцы были бездомными! – вскрикнула Агата. – Мы не хотим, чтобы они были нашими врагами!

– И уж точно мы не хотим, чтобы от них плохо пахло, – пробормотала Софи.

– Из-за вас принцы стали не нужны, – отрезала леди Лессо. – Вы лишили их силы, они устарели. А теперь вы заставили их примкнуть к новому лидеру, чтобы отомстить.

Девочки посмотрели туда, куда был устремлен ее взгляд – на море плакатов «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» за воротами с требованием принести голову Софи.

– Директор школы! – наконец вмешалась Софи. – Мы видели его…

– В самом деле? – презрительно усмехнулась леди Лессо.

– Он в башне Зла! Мы должны его прикончить! – Софи обернулась к Агате: – Скажи ей!

У Агаты подозрительно засосало под ложечкой, но она изо всех сил постаралась не обращать на это внимания.

– Но он не мог выжить, – произнесла она, обращаясь скорее к себе, чем к собеседникам, и подняла глаза: – Вы же обе там были. Мы все видели, как он умер.

– Верно, – подтвердила профессор Доуви, – но это не значит, что никто не смог его заменить.

– Заменить?! – разом выпалили обе девочки.

– Естественно, мы с леди Лессо считали, что мы лучшие кандидаты на эту должность, – сказала профессор Доуви, приглаживая блестящие крылышки жуков, украшавшие воротник ее платья. – Но бездомные и ненавидимые принцы нуждались в лидере, на которого могли бы положиться. Мы уверили их, что *«Сказка о Софи и Агате»* закончилась навсегда. По нашей просьбе Сториан согласился установить и поддерживать гармонию между мальчиками и девочками, как он много лет поддерживал баланс между Добром и Злом. Но когда мы попытались договориться с принцами… – ее лицо потемнело, – случилось кое-то что странное.

Она ткнула пальцем в последнюю страницу сказки и многозначительно посмотрела на девочек:

– Скажите, вы не замечаете ничего необычного?

– Они что, нарисовали Тедроса выше, чем он есть на самом деле? – предположила Софи.

– Вам не кажется, что здесь чего-то не хватает? – подсказала профессор.

И тут Агата вспомнила сборник сказок, валявшийся под ее кроватью. Связанные навечно принц и принцесса…

– Конец, – сказала она, – почему нет слова «Конец»?

Профессор Доуви, пристально глядя на нее, поднесла книгу ближе к свету. Девочки увидели, как под последней строчкой их истории почти выцветшие чернила, которыми было написано слово «Конец», исчезают прямо на глазах…

А потом это слово пропало совсем.

– Что случилось? – выдохнула Софи.

– Видимо, ваша книга снова открыта, – сказала профессор Доуви, пробегая глазами по всем версиям их истории, раскиданным по столу. Слово «Конец» исчезло из всех изданий.

Софи копалась в куче книг:

– Но почему это прои…

– Потому что одна из вас пожелала, чтобы конец стал другим, – бросила леди Лессо, даже не поднимая на нее глаз. – Одна из вас захотела нового «долго и счастливо», и из-за этого наша школа очутилась на пороге войны.

– Какая чушь, – раздраженно проговорила Софи. – Я знаю, что хотела стать принцессой, – но я же не могу, верно? Я видела, что это место сделало со мной, и больше не хочу

находиться здесь ни секунды. Даже если Гавальдон и воняет, как лошадиная задница, и там нет ни одного сносного мальчика. Так вот, если я не загадывала желания, то все это определенно ошиб…

Но вдруг она заметила, на кого направлен взгляд леди Лессо, и от щек Софи мгновенно отлила кровь.

Софи медленно повернулась к своей подруге, притихшей в темном углу:

– Агги, во имя всего святого, ты сказала… ты сказала, что ты совершила ошибку… Это же не то, что ты имела в виду, да?

Агата не смотрела на нее.

Руки Софи затряслись.

– Агги, скажи, что ты имела в виду не это!

Агата попыталась найти слова – что-то, чтобы оправдать себя…

– Все это… – Софи не хватало воздуха, – все это случилось… из-за тебя?!

Агата сгорала от стыда. Она резко повернулась к леди Лессо:

– Как мне все исправить? Как мне доставить нас с Софи домой невредимыми?

Преподаватель Зла позволила вопросу повиснуть в воздухе, пока она тщательно изучала свои острые красные ногти.

– Все просто, – соизволила она наконец ответить, поднимая глаза, – вы обе должны одновременно пожелать остаться

друг с другом. И только друг с другом. Тогда Сториан напишет «Конец» еще раз.

– И мы покинем школу? – с нажимом спросила Агата.

– И принцы перестанут на вас охотиться. Да, все так и будет. Пока ваше желание истинно.

Агата выдохнула:

– Мы можем все исправить! – Она повернулась к Софи: – Мы сможем вернуть наше «долго и счастливо»! Охота на тебя прекратится, и горожане больше не будут нас обижать!

Софи отстранилась:

– Чего же имено ты пожелала?

– Не стоит об этом, – потупилась Агата.

– Чего еще ты могла хотеть? – настаивала Софи.

– Это была ошибка, Софи….

– Ответь мне.

– Софи, прошу тебя…

Софи смотрела на нее не мигая:

– Чего. Ты. Пожелала?

– Мы сейчас же это исправим! – умоляла Агата.

– Боюсь, ты не сможешь.

Девочки обернулись на голос.

– Сториан должен написать «Конец», чтобы ваше желание исполнилось, – сказала профессор Доуви. – И на сегодняшний день это невозможно.

– Что вы имеете в виду? – вспыхнула Агата. – Где он?

– Там же, где и всегда, – пожала плечами леди Лессо, бро-

сив хмурый взгляд в окно, – у Директора школы.

– Что?! – изумилась Агата. – Но вы же сказали, его кто-то заменил…

Ее сердце затрепетало.

Человек, лицо которого она не могла увидеть.

Агата медленно взглянула на леди Лессо.

– Кто не хочет, чтобы ваш конец оставался таким, каким был? – промурлыкала леди Лессо. – кто жаждет нового конца для вашей истории?

Она держала книгу открытой на последней странице… Одинокий мальчик, входящий в туман…

– Кто услышал желание своей принцессы?

Агата повернулась к окну. Молния сверкнула над башней Директора школы, стоящей на другом берегу озера, и тут же прогрохотал гром. Во вспышке она увидела силуэт в серебряной маске…

Золотые волосы, атлетическое телосложение, блестящий меч в ножнах.

Небо снова потемнело, и силуэт исчез.

Агате стало дурно. Все эти нападения… Все разрушения…

– Его, – прошептала Софи, сползая по стене, – ты пожелала… *его!*

Агата искала нужные слова, но одного взгляда на Софи, сжавшуюся в жалкую розовую кучку, хватило, чтобы понять – ей их не найти.

– Как, – прошептала Агата, – как он мог услышать мое желание?

– Потому что ты хотела, чтобы он его услышал, – процедила леди Лессо, медленно приближаясь к Агате. – С того дня как ты пропала, Тедрос верил, что однажды ты его позовешь. С того дня как ты пропала, он и его приспешники искали твой городок, пытаясь попасть в вашу часть Бескрайних лесов, пока однажды твое желание не открыло им путь…

Агата побледнела. Леди Лессо зловеще нависла над ней.

– Но твой принц хотел быть уверен, что его принцесса на этот раз сделает правильный выбор. Ему нужно было подстраховаться, чтобы ты не повторила свою ошибку. Поэтому Тедрос выкрал Сториана у нас из-под носа, зная, что башня Директора школы следует за пером, куда бы оно ни делось. Теперь он удерживает Сториана от написания слова «Конец» в вашей сказке, пока не будет уверен, что конец изменится.

Внутри Агаты все похолодело.

– Каким же будет новый конец? – пробормотала она.

Леди Лессо взглянула сквозь нее:

– Смерть Софи.

В покрасневших глазах Софи пылал гнев.

– Тедрос верит, что смерть Софи сделает вашу сказку такой, какой она и должна быть, – произнесла профессор Доуви. – Ведьма погибает. Принцесса наконец принадлежит своему принцу. Конец сказки переписан, как и мечтала Агата.

Агата не могла дышать под испепеляющим взглядом Софи.

– Почему бы вам не оказать Тедросу услугу, – прошипела Софи, – и не убить ведьму самим?

– Это бы все решило, – вздохнула профессор Доуви.

Обе девочки потрясенно уставились на нее.

– Боже, я сказала это вслух?! – изумилась учительница.

– Она и так вскоре умрет, – огрызнулась леди Лессо, – Тедрос рассчитывал, что Софи обратится к нам за защитой. И теперь он и его армия явятся сюда, чтобы прикончить ее.

– Армия?! – на Агате не было лица. – У него есть армия?

– Ты, кажется, забыла о том, что у него теперь есть целая школа, – произнесла леди Лессо.

Агата повернулась к окну. Сквозь пелену дождя она могла различить людей в красных капюшонах, шныряющих вокруг башен замка Зла. На них была форма из черной кожи, украшенная эмблемой с алыми змеями, и блестящие черные сапоги. Она опустила глаза к воротам на границе владений замка, над которыми дугой изогнулась ржавая железная надпись:

ШКОЛА ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ И МЕСТЬ

– Одно маленькое желание – и столько последствий, не так ли? – съязвила леди Лессо, искоса поглядывая на Агату. – В качестве награды Тедрос пообещал тому, кто убьет Софи, половину сокровищ своего отца. Не стоит и говорить, сколько мальчиков из всегдашников и никогдашников согласились на это.

– Как и те принцы снаружи, – добавила профессор Доуви, наблюдая за толпами грязнуль, копошащихся у ворот. – Тедрос знает, что он не может атаковать нас только силами своей школы. Наши учителя не отдадут Софи без боя.

– Поэтому он использует принцев, чтобы форсировать события, – проворчала леди Лессо. – Я создала магический щит по периметру школы, чтобы держать их подальше. Но как только принцы прорвутся внутрь, у Тедроса будет достаточно мечей, чтобы взять наш замок штурмом и убить Софи.

Агата в оцепенении смотрела в окно на красную крепость:

– Сториан находится в школе для мальчиков?

– Достань его и отправь вас с Софи домой целыми и невридимыми… или поцелуй Тедроса до того, как он убьет ее, – мягко сказала профессор Доуви, встретившись с испуганными глазами Агаты. – Поцелуй своего принца от всей души – и вы с ним будете жить долго и счастливо. Софи исчезнет из твоей истории навсегда… И отправится домой одна.

– Домой одна? – Софи распахнула рот, словно ее ударили под дых. – Одна в Гавальдон? А она тем временем получит… *его*?

– Эта сказка должна закончиться так или иначе, или все мы окажемся втянуты в войну, – кивнула профессор Доуви.

В комнате повисла тишина, лишь отзвуки возни кровожадных принцев доносились из леса.

Софи кинула на Агату уничижающий взгляд и снова свернулась розовым клубочком.

Тедрос. Агата стиснула зубы. Как она могла пожелать мальчика, любовь которого привела к такой дикой ситуации? Мальчика, который собирается убить ее лучшую подругу? Ее старая добрая ведьмовская натура никогда не позволит этому случиться.

– Есть еще третий вариант, – выдохнула она, ураганом несясь к двери: – сообщить Тедросу, что он безмозглый осел!

– Нет.

Агата обернулась.

– Ты пожелала остаться с ним, – зло выдавила Софи, покрываясь пятнами от ярости. – И ты хочешь, чтобы я доверяла вам обоим? Чтобы я позволила вам встретиться?

Агата замерла на месте. Софи была похожа на ведьму еще больше, чем тогда на кладбище.

– Я не хочу вмешиваться в вашу ссору, но настаиваю, чтобы Агата как можно скорее сделала выбор, – рявкнула леди Лессо. – Как только Тедросу удастся снести мой щит и вломиться сюда со своими принцами, жить нам останется очень недолго.

– Мы спрячем вас с Софи в Синем лесу, пока вы не при-

думаете, что делать, – обратилась профессор Доуви к Агате, доставая связку ключей. – Никто из девочек не должен знать, что вы здесь.

– Почему? – удивленно спросила Агата.

– Потому что, в отличие от двух ваших учителей, они считают, что это самое лучшее, что с ними когда-либо случалось, – ответил кто-то сладким как мед голосом.

Учителя и девочки обернулись. В дверях стояла высокая, изумительной красоты женщина с гладкой как шелк молочно-белой кожей. Она была в ярко-синем платье, украшенном рисунками бабочек. Ее густые каштановые волосы доходили до лопаток, глаза цвета зеленой листвы сверкали из-под тонких темных бровей, а сочные розовые губы были приоткрыты, обнажая небольшую аккуратную щель между блестящими передними зубами.

– Кабинет моего брата? – спросила она, кусая пухлые губы. – Я не была предупреждена, что теперь мы проводим наши тайные собрания здесь.

– Это единственное место, где никто не сможет нас подслушать, – подозрительно осторожным голосом ответила леди Лессо.

– Ну что ж, думаю, я имею право знать о появлении наших дорогих гостей, – с придыханием сказала дама, поворачиваясь к девочкам. – В конце концов, именно они – причина, по которой существует эта великолепная школа.

Софи с Агатой уставились на нее.

– Мы тщательно готовились к вашему появлению, – вымолвила незнакомка, сомкнув свои тонкие брови. – Однако все равно чуть было не пропустили его, – она бросила на двух учителей рассерженный взгляд.

Агата встряхнула головой:

– Но как вы могли знать, что мы появимся?..

– Боже, вы обе выглядите ужасно, – поморщилась женщина и с помощью своего волшебного пальца привела в порядок их лица и платья. Вот только платье Софи магическим образом потеряло свой розовый цвет и стало совершенно белым.

Софи в изумлении схватилась за край платья:

– Что случилось с моим…

– Пойдемте, девочки, – женщина плавно двинулась к двери, – ваши книги и расписания доставят в ваши комнаты.

– Расписания! – профессор Доуви вскочила на ноги. – Эвелин, вы же не думаете, что они будут посещать занятия?

Женщина стремительно обернулась:

– До тех пор пока они находятся в моей школе, они будут посещать занятия и соблюдать правила, которые включают в себя пребывание в школе на время всего обучения. Вы же не возражаете против правил?

Софи и Агата ждали, что профессора найдут что сказать, но Доуви и Лессо остались непривычно безмолвны. И обе они внимательно смотрели на синих бабочек, устроившихся у них прямо на кончиках носов.

– Я вижу, бывшие деканы не сочли нужным сообщить вам о главном изменении в новой школе, – сказала незнакомка, улыбаясь подругам. – Я Эвелин Садер. И я декан школы для девочек. Прошу прощения за спешку. Но не хочу, чтобы все томились в ожидании. Пожалуйста, следуйте за мной!

Как только она развернулась и пошла к двери, Софи заметила, что бабочки слетели с носов учителей и поспешили сесть на платье Эвелин, а затем они волшебным образом слились с его рисунком. У нее перехватило дыхание от удивления.

– И кто же томится в ожидании? – выдохнула Софи.

На платье декана садились новые и новые бабочки и словно исчезали в нем.

– Ваша армия, – не оборачиваясь, ответила Эвелин, словно была в курсе всего, о чем они говорили в кабинете.

6
Ее зовут Яра

– Армия, посвятившая себя созданию новых сказок, – проговорила декан Садер, цокая каблучками из синего хрусталя по залитому солнцем проходу из башни Смелости в башню Чести. – Ваша сказка была только первым шагом к тому, чего могут вместе добиться принцессы и ведьмы. Вы поведете за собой всю школу!

– Школу… – подавилась Агата, догоняя ее по ступенькам башни Чести. – Но нам нужно вернуться домой!

– Как видите, бывшие деканы и я имеем на этот счет противоположные взгляды, – заметила декан Садер, окруженная бабочками, летевшими к ней со всех сторон. Бабочки садились на ее платье и точно поглощались им. – Они думают, что вы должны покинуть наш мир, чтобы обрести свое «долго и счастливо». А я считаю, что вы обязаны остаться.

– Но мальчики собираются убить меня, – пожаловалась Софи, догоняя декана. По пути она чувствительно пихнула Агату.

– М-м-м-м, ну, допустим, вы проберетесь в замок, полный жаждущих крови мальчиков, – сказала декан, изящно подхватив подол длинного платья и вступая в зал. – Допустим, каким-то чудом вам удастся освободить Сториана, – она остановилась у покрытых инеем дверей музея Добра. – Но желание не сбудется, если оно идет не от всей души.

Она взглянула Софи в глаза:

– Как ты могла пожелать остаться с Агатой, если знала, что она мечтает о принце?

Потом повернулась к Агате:

– А как ты могла пожелать остаться с Софи, если боялась сидящей в ней ведьмы?

Она наклонилась к девочкам так близко, что они почувствовали аромат ее безупречной, увлажненной медовым кремом кожи:

– Как вы могли пожелать кого-то, кому даже *не доверяли*?!

Софи и Агата встретились глазами, и каждая ожидала, что другая начнет спорить. Но ни одна не вымолвила и слова.

– Нужно кое-что исправить в вашей дружбе до того, как вы отправитесь домой. И именно здесь вы почините то, что сломано, – произнесла декан Садер, и последняя бабочка нырнула в ее платье. – Сказки научили нас верить, что такие прекрасные союзы, как ваш, не длятся долго. Почему? Да потому, что появляется мальчик, чтобы все испортить. Мальчик, который так боится вашей истории, что готов на все, лишь бы ее уничтожить. Но в моей школе мы учим правде. – Она открыла ледяную дверь, за которой была кромешная тьма.

– Девочка, оставшаяся без мальчика, – это самый лучший конец для любой сказки!

Ее палец загорелся как факел, пламя его взметнулось вверх красным драконом, а потом взорвалось барабанным боем. Агата и Софи отскочили назад…

За дверями были девочки. Они стояли не шелохнувшись, в двадцать рядов, слегка склонив голову. На всех была бе-

лая вуаль, ярко-синие шаровары и синий корсаж с эмблемой бабочки, вышитой над сердцем. Девочек было больше сотни, их ряды, вытянувшись среди экспонатов музея, тянулись дальше через заднюю дверь в пустой бальный зал Добра. Выражения их лиц невозможно было разглядеть. Они стояли пугающе неподвижно, их руки были согнуты, а ладони обхватили локти, словно это были джинны, явившиеся на зов. Над ними, почти у самого потолка, парили еще две девочки в белых вуалях. Они сидели на волшебных коврах и что есть мочи били в барабаны, постоянно ускоряя темп.

Только одна девочка стояла в стороне от остальных. Вуаль на ней была синяя, а не белая, волосы ее горели красно-рыжим огнем, а мертвенно-бледная кожа ее тонких рук была покрыта красноватыми веснушками. Она медленно подняла руки…

Барабанный бой прекратился.

Вереща, как дикая птица, девочка выдохнула огромный столб огня, опалив волшебные ковры так, что их пепел долетел до Агаты и Софи. Барабаны ударили еще один раз, и девочка закрутилась в танце живота, сопровождая каждое движение лихим свистом или трелью.

– Один взгляд на нее – и Тедрос забудет о том, кто там кого желал, – холодно заметила Софи.

– Софи, прости меня, – Агата придвинулась ближе к подруге, – мне правда жаль.

Софи отпрянула от нее.

– Я не могу позволить себе потерять тебя из-за мальчика, – настаивала Агата. Но взгляд ее то и дело возвращался к танцующей девочке. Неожиданно она почувствовала укол ревности… Нет, правда, а видел ли ее Тедрос?

Эта мысль ее огорошила. Тедрос хотел убить ее лучшую подругу, а она все еще мечтает о нем?! *«Он твой враг, ты, дурында!»*

Перед ней всплыло лицо Стефана, умоляющего вернуть Софи домой невредимой. Где была Агата, которая должна была сделать все, чтобы защитить свою лучшую подругу? Та самая Агата, которая всегда контролировала свои чувства? Та самая, которая так хотела быть хорошей и доброй?

Тем временем задние ряды начали подтанцовывать рыжеволосой солистке; движения сильных рук перетекали по рядам вперед. Затем, в неожиданном па, девочки повернулись друг к другу и принялись танцевать парами. Одна рука за спиной, вторая поднята и ладонью прижата к ладони партнерши, затем девочки меняются местами, ни на секунду не размыкая ладоней. Танцующие, в сверкающих синих шароварах и белых вуалях, они были похожи на колышущиеся в воде морские анемоны или медуз.

Несмотря на бурю, бушующую в сердце, Софи улыбнулась. Она никогда не видела зрелища прекрасней, да и девочек, танцующих без мальчиков, тоже.

Агате не понравилось выражение лица Софи.

– Софи, мне действительно нужно поговорить с Тедро-

сом, – шепнула Агата.

– Нет.

– Я же извинилась. Ты должна дать мне возможность все исправить…

– Нет.

– Этот дурак думает, что я хочу твоей смерти! – возмутилась Агата, смахивая с плеча синюю бабочку. – Я единственный человек, который заставит его здраво взглянуть на вещи.

– Принц, который думает, что он Директор школы и обещает половину своего состояния за мою голову… И ты думаешь, он способен здраво смотреть на вещи? – усмехнулась Софи, позволяя бабочке усесться на свою руку. – Я удивлена, что Добро вообще кого-то побеждает, если оно настолько наивно.

Агата взглянула на Эвелин, которая стояла к ним спиной. Скорее всего, она не могла их подслушать из-за громкого боя барабанов и танцующей рыжей девочки, вопящей, как гиена, однако Агату не покидало странное чувство, будто она слышит все, что они говорят.

– Софи, я на секунду сбилась с пути, – прошептала она. – Это была ошибка.

Софи наблюдала, как солистка выдохнула еще один столб пламени.

– Может быть, декан права, – задумчиво произнесла она, больше не стараясь говорить шепотом. – Может, я должна

остаться здесь.

– Что?! Мы даже не знаем, откуда она явилась и как стала деканом! Ты же видела, как изменилась в лице профессор Доуви. Ты не можешь доверять Эвелин…

– Сейчас я доверяю ей больше, чем тебе.

Агата могла поклясться, что декан ухмыльнулась, хоть и стояла к ним спиной.

– Ты здесь в опасности, Софи! Тедрос придет за тобой!

– И пусть. Ты ведь этого хочешь, не так ли?

– Я хочу вернуть тебя домой живой и невредимой! – взмолилась Агата. – Я хочу навсегда забыть, что мы вообще когда-либо были в школе Добра и Зла! Мне не нужен Тедрос!

Софи обернулась к ней, рыча:

– Тогда зачем ты загадала такое желание?

Агата застыла.

– Начнем вручение подарков! – распорядилась декан.

– Подарки! – просияв, Софи отвернулась от подруги. – Наконец-то хорошие новости!

Она медленно приблизилась к декану, а девочки в вуалях разошлись к стенам. Казалось, будто раскрываются створки раковины, оставляя широкий проход посредине.

Агата последовала за Софи. Девочка настороженно смотрела по сторонам, помня о том, что этот мир когда-то сотворил с ней и ее лучшей подругой. Чем дольше они тут оставались, тем в большей опасности были. Она должна отправить Софи домой как можно скорее!

Хотя свет в музей проникал лишь через одно маленькое окно, Агата все равно заметила, что музейные экспонаты изменились. Свидетельства достижений мальчиков были изъяты, а вместо них появились реликвии их с Софи сказки: школьная форма Агаты, объявление об обеденных лекциях Софи, записка Агаты для Софи (написанная во время Испытания Сказкой), отрезанный локон волос Софи из комнаты страха (где ее наказывали), а также десятки других экспонатов, каждый из которых бережно хранился под синеватым стеклом. Фреску «Долго и счастливо» на главной стене, где когда-то были изображены принц и принцесса, празднующие свадьбу, скрывала ткань с вышитыми на ней бабочками. От прошлой экспозиции остался лишь небольшой уголок с картинами профессора Садера в дальнем углу комнаты. Их преподаватель истории был пророком и сумел нарисовать каждого читателя, пришедшего из Гавальдона в школу Добра и Зла. Когда Агата искала ответы на свои вопросы, она всегда рассматривала эти картины и находила новые зацепки. Она очень хотела бы сейчас изучить их снова, но две девочки в вуалях уже направлялись к ней по проходу, неся огромную фиолетовую вазу.

– От Девичьей долины, – сказала декан Садер, добавив своему медовому голосу глубины и менторских ноток, – урна от принцессы Ризельды, которая, как и сотни других, услышав твою историю, поняла, что без своего принца будет счастливее. Она спалила дотла его трон и приносит тебе в

дар пепел.

Девочки протянули урну Софи и Агате, которые уставились на украшающую подарок резьбу. На ней принц вылетал из окна замка ровнехонько в пасть ждущего во рву крокодила.

– Нам этого не надо, – попятилась Агата.

– Может, поставим ее в мою комнату? – улыбнулась Софи, поворачиваясь к декану.

– Комнату?! – воскликнула Агата. – Софи, ты не останешься…

Но еще две девочки уже приблизились к ним строевым шагом; они несли бамбуковую ширму в восточном стиле.

– От холмов Пиффлпафф, – пророкотала декан, – расписанная вручную ширма из натурального дерева от принцессы Саюри. Прочитав вашу историю, она поняла, что без принцев все принцессы и ведьмы гораздо счастливее.

На одной из изысканно разрисованных бамбуковых панелей были изображены обнимающиеся принцесса и ведьма, а на другой – принц, сильно смахивающий на Тедроса, которого разрывал в клочья дикий зверь.

– Это чудовищно! – не выдержав, воскликнула Агата.

– Поставьте ширму у моей кровати, – проворковала Софи двум девочкам в вуалях. – Кто следующий?

Сверкнув золотым ноготком, декан указала пальцем на проход:

– Подарок из Нижнего леса – гобелен с бездомными прин-

цами…

– Я бы хотела, чтобы профессор Доуви и леди Лессо могли по достоинству оценить такую элегантную женщину, как вы, – Софи льнула к декану, а процессия подарков во славу уничтожения принцев шла полным ходом, являя куклы вуду с лицами принцев, трофейные мечи принцев и даже ковер, сотканный из волос принца.

– А занятия начинаются сегодня?

Декан хищно улыбнулась и плавно отодвинулась от нее:

– Да, и уроки, которе веду я, тоже.

– Ты же несерьезно? – зашипела Агата на Софи. – Теперь ты хочешь пойти на занятия?!

– Будем надеяться, что они переделали классные комнаты, сделанные из конфет, – Софи пригладила рукой волосы, готовясь к длинному дню. – У меня аллергия на их запах.

– Софи, за твою голову назначена награда…

– И наконец, подарок от меня, – объявила декан Садер, стоящая напротив прикрытой тканью картины «Долго и счастливо». – Ученики, ваша старая школа учила вас, что гармония мира состоит в равновесии между Добром и Злом. Но какая гармония может быть между всегдашниками и никогдашниками, если ее нет между мальчиками и девочками? Не случайно читатели вернулись, чтобы присоединиться к нам во славу их неоконченной сказки.

Она в упор посмотрела на девочек:

– И битва за их «долго и счастливо» только что началась!

Она сдернула полотно, закрывавшее картину. У Агаты и Софи перехватило дыхание.

Слова «ДОЛГО И СЧАСТЛИВО», гигантские и мерцающие, по-прежнему выглядывали из-за облаков в верхней части фрески. А вот остальной рисунок изменился.

Теперь на фреске были изображены две вытянутые башни из синего хрусталя, стоящие на разных берегах озера. Несколько девочек, одетых в лазоревую форму, отдыхали на балконах башни, наслаждаясь свежим бризом, другие гуляли по огороженным землям. Некоторые были красивы, другие безобразны, но они работали, жили и даже бездельничали вместе, словно принцессы и ведьмы всегда были закадычными подругами.

Были на этом рисунке и мальчики, если можно их так назвать. В черных рабских лохмотьях, с обезображенными лицами настоящих огров, они копались в навозе, сгребали листья и надстраивали башни. Мальчики были скованы между собой, как каторжники. Их день завершался в грязном бараке за воротами. Надсмотрщицы подавили их волю, и у мальчиков не возникало даже мысли о сопротивлении, они покорились, смирившись со своей участью. Агата подняла глаза на верхнюю часть фрески, где две освещенные солнцем красавицы, обе в хрустальных диадемах, наблюдали за своим королевством, паря среди облаков.

– Это же мы! – восхищенно выдохнула Софи.

– А это… школа, – хмуро добавила Агата.

– Вот ваше настоящее «долго и счастливо», – сказала декан, становясь между Софи и Агатой, – Будьте же снова старостами в этих священных стенах и ведите девочек к будущему без принцев!

Агата поморщилась: это было нарисованное, но все-таки рабство.

– Такая школа – не наше с тобой «долго и счастливо», – сказала она, поворачиваясь к Софи. – Скажи декану, что нам пора уходить!

Но Софи уставилась на картину широко раскрытыми глазами:

– Как мы добьемся всего этого?

Агата остолбенела.

– Точно так же, как и все герои добиваются счастливого окончания их сказок, дорогая, – произнесла декан, легко коснувшись плечей обеих девочек. – Нужно столкнуться со своим врагом лицом к лицу, – она надменно усмехнулась в сторону башни Тедроса, виднеющейся за окном, – и просто сразить его.

Агата и Софи оторопели.

– Мои обожаемые ученики! – декан взметнула руку над собравшейся толпой. – Поприветствуем же наших читателей, которые наконец вернулись в школу!

С громоким воплем толпа сорвала свои вуали и бросилась на Софи и Агату.

– Вы дома! – захлебывалась от восторга Рина, на пару с

Милисент стискивая Агату, пока зеленокожая Мона и одноглазая Арахна сжимали в объятиях Софи…

– Не знала, что мы были друзьями… – прохрипела сдавленная Софи.

– Мы на твоей стороне в борьбе против Тедроса, – бодро рапортовала Арахна, на руке которой висела Милисент, точно всегдашники и никогдашники всегда были не разлей вода. – Мы все!

– Вы наши герои, – сказала Рина, обращаясь к Агате, которая отметила, что арабская принцесса, похоже, стала упитанней в нижней части, – Вы с Софи открыли нам глаза на мальчиков!

Пока Агата пыталась подыскать нужные слова, что-то визжащее налетело на них с Софи и сжало девочек в объятиях до хруста костей.

– Мои соседушки! – вскричала Беатрис. – Разве вы не рады? Декан распорядилась поселить вас со мной!

Ни у Софи, ни у Агаты не было времени обмозговать эту катастрофу, потому что обе девочки изумленно уставились на кое-что еще более пугающее.

– Твои волосы! – воскликнула Софи.

– Если нет мальчиков, то и нет нужды выглядеть как глупые принцессы, – заметила Беатрис, гордо поглаживая свою бритую голову. – Только подумайте, как много времени в прошлом году я потратила на Тедроса, балы и постоянное прихорашивание. А ради чего? Сейчас я читаю, учусь, изу-

чаю эльфийский язык… Я, наконец, понимаю, что происходит в нашем мире!

– А что с комнатами красоты? – забеспокоилась Софи.

– Их давно закрыли. Таким понятиям, как «красота» или «уродство», нет места в школе для девочек! – заявила Рина, на которой, как, к своему ужасу, заметила Софи, не было ни капли косметики. – Мы носим штаны, не красим ногти… Мы даже едим сыр!

Софи поперхнулась и повернула голову в поисках декана, но, судя по шлейфу бабочек, та удалилась из музея.

– Я уверена, что немного помады наносить разрешено…

– Ты можешь делать что хочешь! – радостно закивала Арахна, демонстрируя румяна дикого цвета, кое-как нанесенные на ее щеки. – Никогдашники могут ухаживать за собой, а всегдашники не обязаны этого делать. Свобода выбора!

Милисент вклинилась между ними, широко улыбаясь:

– Я, например, не мыла голову целый месяц!

Девочки одновременно отшатнулись, но вдруг на Агату налетел вопящий, грозящий заобнимать до смерти ураган…

– У-у-у-р-а-а-а! Ты здесь! Моя самая лучшая подруга во всем мире! – Кико оторвала взгляд от Агаты и одарила Софи фальшивой улыбкой: – И ты тоже здесь?

Затем Кико снова прижалась к Агате, и ее карие миндалевидные глаза заблестели от слез:

– Ты не представляешь, сколько я молилась, чтобы ты вер-

нулась! И теперь словно небеса спустились на землю! Здесь так здорово, ты увидишь! Мы пойдем на занятия по истории (их ведет декан) и попадем во всамделишные сказки, а потом будут еще уроки танцев, и школьная газета, и книжный клуб, и теперь мы готовим спектакль вместо бала, и мы можем ночевать друг у друга, и…

Кико не смогла закончить, потому что девочки продолжали осаждать Софи и Агату, причем каждая вела себя точно так же – словно они всегда были закадычными подружками.

Агата попыталась оттолкнуть напирающую на нее орду и напролом бросилась к Софи:

– Мы должны убраться отсюда прямо сей…

Она споткнулась и во весь рост растянулась на полу.

– Подпишешь мне книгу сказок? – спросила Жизель, присаживаясь с ней рядом. Когда-то длинные черные волосы принцессы превратились в короткий синий ирокез. Агата бочком отползала назад, пробираясь через орущих фанаток.

Так как девочки продолжали хаотично пихать Софи свои книги, карты и части тела для автографов, Беатрис организовала из них живую очередь и заставила выражать свое восхищение строго по одному. Софи уже не могла различить, кто из них когда-то учился в школе Добра, а кто Зла, так как многие всегдашницы отрезали волосы и запустили фигуры, тогда как никогдашницы, наоборот, увлеклись диетами и экспериментировали с макияжем.

Между тем Агате удалось высвободиться из толпы. Но как

только она схватила Софи за руку, чтобы покончить наконец с этим идиотизмом, она замерла.

Танцующая девочка в синей вуали скользила в их сторону. Долговязая как цапля, она шла к ним на цыпочках, пятки ее белоснежных тапочек ни разу не коснулись пола. Она проскакала, как птица, по дорожке, минуя застывших девочек, и резко остановилась напротив двух читательниц. Девочка подняла голову, тряхнув копной рыжих волос, и подняла вуаль.

Софи и Агата смутились.

Они никогда раньше не видели эту девочку, но тем не менее в ней чувствовалось что-то смутно знакомое. И это пугало. У нее был длинный, острый нос, волевой подбородок и близко посаженные голубые глаза. Ее шея была необычно длинна, а короткая блуза открывала идеальные мышцы живота, выступающие из-под бледной веснушчатой кожи. Девочка очень обаятельно улыбалась и заглядывала им в глаза. Вдруг она издала низкий пронзительный вопль, заставивший Софи и Агату подпрыгнуть, послала им воздушный поцелуй и, опустив на лицо вуаль, выскользнула из музея.

Все девочки наблюдали за ней в тупом молчании, но, очнувшись, толпа снова начала напирать на Софи с Агатой, и Беатрис подула в свой свисток.

– Что это было? – спросила Агата у Кико, подписывая ей книгу на коленке.

– Ее зовут Яра, – прошептала Кико. – Никто не знает, что

с ней приключилось. Насколько нам известно, она не говорит, не ест и постоянно куда-то исчезает. Наверное, ей негде жить, бедняжке. Но декан по доброте душевной позволяет ей оставаться в школе. Некоторые считают, что эта девочка наполовину стимфа.

Агата нахмурилась, вспомнив костлявых хищных птицы, которые ненавидели никогдашников.

– Как кто-то может быть наполовину стим…

Она сбилась с мысли, потому что наткнулась взглядом на Софи, которая собрала вокруг себя поклонниц и, надменно улыбаясь, раздавала автографы и поцелуи, чувствуя себя как дома.

– Можно я помогу тебе бороться с мальчиками? – вопила Арахна.

– Можно я буду твоей вице-старостой? – прокричала Жизель.

– Можно я буду твоей вице-вице-старостой? – вторила Флавия.

– Сядешь со мной и моими друзьями за обедом? – клянчила Милисент.

– Нет, сядь с нами! – перебивала Мона…

– Как чудесно снова иметь фанатов, – довольно улыбнулась Софи и, не взглянув на ошарашенную Агату, принялась рисовать сердечки над своим автографом. – Стану я возвращаться домой, где я никому не нужна, вместо того чтобы оставаться в раю, где я нужна всем!

– Если ты расстроилась, что будешь жить с Беатрис, не беспокойся, – промолвила Кико, заметив мрачное лицо Агаты, – ты всегда можешь остаться ночевать у меня.

Агата хмуро посмотрела на нее, и до Кико наконец дошло.

– Ты вообще не собираешься оставаться? – сморщилась она.

Толпа вокруг притихла.

– А теперь расскажите мне об этом школьном спектакле, – громко обратилась Софи к Рине. – Вы уже провели кастинг на главную роль?..

Она замолчала, заметив, что все девочки уставились в окно. На другом берегу туман вокруг устрашающей красной башни становился все гуще.

– Если мы останемся, то развяжем войну, – произнесла Агата, обведя взглядом окруживших их учениц. – И вы все будете в опасности. Она повернулась к Софи: – Ты слышала учителей. Мы можем исправить то, что я сделала, без лишних смертей. Без твоей, Тедроса, без чьей-то еще. Мы просто пожелаем остаться друг с другом и можем забыть об этой школе и обо всем, что здесь случилось. Она дотронулась до плеча подруги: – Если мы останемся, это будет Зло. А ты больше не злая.

Софи медленно оглядела толпу ни в чем не повинных девочек, которые, без сомнения, умрут от рук Тедроса и его банды в красных капюшонах. Но Агата забыла предупреждение декана. Они смогут отправиться домой, только если обе

искренне захотят этого. А Софи знала, что Агата не сможет пожелать остаться с ней от всей души. Агата не сможет забыть эту школу.

Потому что одной подруги Агате уже недостаточно.

Агате нужен был принц.

– Мы спрячемся в Синем лесу и придумаем план, – тихо сказала ей Агата, отчаянно надеясь сбежать до возвращения декана. – Может, сумеем как-то пробраться в школу мальчиков.

Удрученная Софи молчала…

…пока не встретилась глазами с самой собой, изображенной на фреске.

Парящая над замком, в своей хрустальной короне, она походила на кого-то с такими же золотистыми волосами, изумрудными глазами и мраморной кожей. На кого-то, кто тоже проиграл мальчику свое «долго и счастливо». На того, кто умер из-за этого в одиночестве.

Ты слишком прекрасна для этого мира, милая!

Это было последнее, что ей сказала мама.

«Она хотела, чтобы я нашла другой мир, вот этот, – думала Софи. – Мир, где девочка не кончит свою жизнь так же, как ее мать».

Мир, где они с Агатой будут счастливы.

Мир, где между ними никогда не встанет мальчик.

Мир без принцев.

И только один мальчик все еще стоял у нее на пути. Софи

стиснула зубы, и на ее глазах заблестели слезы.

Принц, которого Агата забудет сразу же, как он умрет.

– Это не Зло, Агги, – возразила Софи. – Школа – наша единственная надежда.

Агата насторожилась:

– Софи, что ты имеешь в виду?

– Он говорит, ему нужна я? – гаркнула Софи своей армии. Она ухмыльнулась в сторону башни Тедроса. – Тогда пусть он придет ко мне!

Зал взорвался одобряющими возгласами, и девочки немедленно обступили своего нового лидера:

– Смерть Тедросу!

– Смерть мальчикам!

От лица Агаты отлила кровь; на мгновение ей удалось поймать взгляд Софи, а затем подругу поглотил водоворот поклонниц.

Всего одно желание – и она развязала войну. Войну между двумя сторонами, борющимися за ее сердце. Войну между двумя людьми, которых она любит. Война между ее лучшей подругой и ее принцем.

Душа Агаты пылала от чувства вины, обещание, данное отцу Софи, только что сгорело дотла.

«Мне нужна помощь», – мысленно взмолилась она, наблюдая, как Софи посылает воздушные поцелуи своим солдатам. Кто-то, кто разберется во всем этом. Кто-то, кто подскажет ей, где теперь Добро, а где Зло…

Она сделала несколько шагов от толпы. И ее взгляд привлек странный блеск невысоко от пола. Там, в темном углу, где висели картины Садера. Два маленьких желтых глаза поплыли в ее сторону и зависли в воздухе парой блестящих камешков. Потом еще два зажглись рядом, затем еще два; маленькие тени прятались в полумраке, осторожно выглядывая из-за мраморной колонны.

Три черные крысы внимательно смотрели на Агату, словно откликнувшись на ее зов. Они выскользнули через задние двери, увлекая девочку за собой. Ведя ее к своей хозяйке.

7
Ведьмы составляют план

– Итак, давай я подведу итог, – Эстер свирепо взглянула на нее, устраиваясь на гладкой раковине рядом с Анадиль. Обе были в мешковатых черных туниках никогдашниц. – Тедрос хочет убить Софи. Софи хочет убить Тедроса. И если ты не обретешь свое «долго и счастливо» с кем-то из них прямо сейчас, все в этой школе погибнут?

Агата робко кивнула, опираясь на стену из слоновой кости. Они находились в башне Чести, в одной из уборных, с сапфировыми унитазами и раковинами. Агата никогда бы не подумала, что будет так рада встретить двух ведьм. В отличие от других школьниц, эти совсем не изменились. Черно-красные волосы Эстер казались еще грязнее, чем раньше, а татуировка рогатого демона вокруг ее шеи снова стала яркой (в прошлом году после неудачного заклинания она потускнела). Анадиль между тем выглядела даже бледнее, чем обычно, если это вообще возможно для альбиноса с почти прозрачной кожей. Она сидела на раковине рядом с Эстер и дразнила трех своих черных крыс живой ящерицей. А крысы выглядели точно так же, как те, что погибли во время прошлогодней войны Добра и Зла.

– Принц и ведьма мечтают убить друг друга ради тебя, – скрипучим голосом произнесла Анадиль. – На твоем месте я была бы польщена. – Она наблюдала за тем, как ее грызуны распотрошили ящерицу и подняли на нее осоловевшие глаза. – Но, к счастью, я не испытываю никаких чувств.

– Сомневаюсь. Кто вместо умерших питомцев завел себе

точно таких же? – проворчала Эстер.

– Послушайте, я голодная, грязная и не спала целую вечность, а армия мальчиков тем временем пытается убить мою лучшую подругу, – сказала Агата дрогнувшим от усталости голосом. – Я просто хочу домой.

– И тем не менее ты пожелала Тедроса, – заметила Эстер, как обычно глумясь над собеседницей. – Что позволяет сделать вывод, что на самом деле ты хочешь вовсе не домой.

Несколько секунд Агата молчала.

– Послушайте, просто скажите, что мне нужно сделать, чтобы никто не пострадал.

– Как будто мы феи-крестные, Ани, – хрюкнула от смеха Эстер, пуская колечки дыма ярко-красным кончиком пальца.

Анадиль нарисовала череп на мраморной стене своим горящим зеленым светом пальцем и добавила:

– Только не такие древние и льстивые.

– Пожалуйста! – умоляла Агата. – Вы же ведьмы. Вы должны знать способ отказаться от своего желания…

– Все так серьезно! – Эстер повернулась и обвела горящим пальцем отраженное в зеркале лицо Агаты, так что оно оказалось заключенным в рамку. – Только посмотри на эту маленькую, беспомощную, потерянную душу! До сих пор носит черное и пытается найти в себе старую Агату… Ту Агату, которая кидалась безголовыми птицами, пускала газы всегдашницам в лицо и любила свою драгоценную Софи боль-

ше жизни. – Эстер встретилась с Агатой взглядом в зеркале и усмехнулась: – Но ее больше нет, принцесса.

– Это неправда, – громко возразила Агата, но царапины, оставленные Рипером у нее на руке, полыхнули огнем, укоряя ее во лжи, так, будто были свежими.

– Надо же, когда-то мы хотели, чтобы ты присоединилась к нам, – сказала Анадиль. – И вот ты здесь, боящаяся навредить своей лучшей подруге из-за мальчика.

– Приятно видеть, что вы обе ничуть не изменились, – глухо сказала Агата, направляясь к двери. – Я вспомнила, почему мы не были друзьями.

– В итоге только один из них сможет сделать тебя счастливой, – промурлыкала Эстер за ее спиной. – И вопрос в том, кто это будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.